ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 136 (4261)

Вторник, 15 ноября 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

В день открытия декады Государственный академический театр оперы и балета УССР имени Т. Шевченко показал на сцене Государственного академического Большого театра СССР оперу Г. Майбороды «Арсенал».

На снимке: украинские артисты вручают цветы присутствовавшим на спектакле руководителям партии и правительства и членам зарубежных партийно-правительственных делегаций, прибывших в Москву на празднование 43-й годовщины Великого Октября.

Фото А. Батанова

ПОБЕДЫ ВДОХНОВЕНИЯ

Мы начинаем дневник с записи, которая была сделана еще накануне открытия декады. Она появилась в корреспондентском блокноте после того, как мы побывали в нескольких театрах и концертных залах. Всюду нас встречала одна и та же табличка: «На концерты и спектакли декады украинской литературы и искусства все билеты проданы».

Тогда же появилась и еще одна запись, имеющая отношение уже не к искусству, а к украинской литературе. Вот она: «В гостиницы «Москва» и «Украина» беспрерывно звонят из библиотек, заводов, институтов с просьбой выступить перед читателями». Это — так называемые «стихийные» приглашения, сверхплановые и никем не предусмотренные. А по программе литературной части декады намечено провести 18 больших вечеров с участием писателей — в заводских дворцах культуры и колхозных клубах, в библиотеках и учебных заведениях.

Все это характерно для нынешней декады. Отрадно видеть, что искусство и литература украинского народа пользуются такой популярностью у москвичей.

Первым событием первого дня декады было открытие выставки «Советская Украина», на которой представлено около пяти тысяч произведений живописи, графики, скульптуры и народного декоративно-прикладного искусства. Это произошло в полдень. А спустя два часа были открыты еще две выставки: украинской книги, книжной графики и плаката и фотовыставка «Советская Украина».

Вечером состоялось торжественное открытие основной части декадной программы. Одновременно на двенадцати театральных подмостках москвичи смотрели проникновенную игру драматических актеров, слушали великолепные голоса оперных певцов, знакомились с украинским народным танцем и песней, с новыми симфоническими произведениями композиторов и ярким творчеством участников художественной самодеятельности, смеялись над веселыми шутками Тарапуньки и Штепселя, восхищались ловкостью мастеров украинского цирка.

Центральным событием дня была премьера оперы Г. Майбороды «Арсенал» в постановке Государственного театра оперы и балета УССР имени Т. Г. Шевченко. Несколько дней назад праздновалась 43-я годовщина Октября, завтра отмечается 40-летие со дня победоносного завершения гражданской войны,—и словно гимн тем героическим годам прозвучал оперный спектакль о победе народа в борьбе за Советскую власть на Украине, о славных арсенальцах, которых называют «украинскими путиловцами». Присутствовавшие в зале Большого театра руководители партии и правительства и зарубежные гости горячими аплодисментами приветствовали участников декады.

***

— «Чувство семьи единой»—это не только большие слова большого поэта,— сказал секретарь правления Союза писателей СССР Николай Тихонов, открывая в Колонном зале Дома союзов литературную часть декады.

Когда-то этими словами, давно ставшими крылатыми, Павло Тычина назвал сборник своих стихотворений. Чувство семьи единой, дух товарищества ощущались всеми, кто пришел на праздник украинской литературы, на встречу с видными писателями Украины, России и братских республик. Об этом хорошо сказал, приветствуя участников декады, Н. Тихонов:

— Перед лицом нашего читателя, зрителя, слушателя мы предстанем как друзья и братья, как работники одного творческого коллектива, которые вместе будут радоваться красоте жизни и победам вдохновения. Мы служим верой и правдой одной цели — коммунистическому будущему!

После вступительного слова председателя правления Союза писателей Украины Олеся Гончара трибуной завладели поэты, и в зал полились чарующие звуки украинского стиха. По одному стихотворению прочли Павло Тычина, Дмитро Павлычко, Николай Ушаков, Лина Костенко, Максим Рыльский, Микола Нагнибеда, Микола Бажан, Леонид Первомайский, Платон Воронько, Андрей Малышко, Степан Олейник. Каждое стихотворение встречалось громом аплодисментов. И еще раз зал горячо аплодировал, когда председательствующий зачитал только что полученную телеграмму от Михаила Шолохова, сердечно поздравившего украинских братьев с началом декады.

***

На прошлой декаде писатели Украины не выступали на Московском коксогазовом заводе. Его еще тогда не было. Сейчас коллектив молодого предприятия вступил в соревнование за звание завода коммунистического труда.

Вечер получился очень интересный. Гостей приветствовал начальник смены цеха ректификации, депутат Верховного Совета РСФСР А. Жирное. Потом председательствующий Сергей Борзенко предоставил слово Любомиру Дмитерко, который рассказал собравшимся о декаде и представил им своих товарищей. Поэты читали стихи на родном языке — и их хорошо понимали, тем более, что, как оказалось, на заводе работает много украинцев. Пришлось читать по два стихотворения и киевлянке Лине Костенко, и крымчанину Ивану Неходе, и одесситу Владимиру Ивановичу, и львовчанам Дмитру Павлычко и Миколе Тарновскому.

С огромным вниманием слушал зал речь Ванды Василевской, собственно, не речь, а устный рассказ, так и названный писательницей — «Рассказ, который еще не написан».

Разговор об украинской декаде, начатый с трибуны одним из старейших прозаиков Петром Панчем, перешел затем в фойе, превратившись в дружескую и задушевную беседу.

Другая группа писателей в составе Е. Пермитина, Ю. Збанацкого, И. Выргана, К. Гордиенко, П. Дорошко, С. Журавовича, В. Кучера, А. Патрус-Карпатского, О. Юренко и О. Ющенко побывала в гостях у колхозников артели «Горки Ленинские» имени Владимира Ильича.

Еще одна группа писателей — А. Прокофьев, Я. Баш, Е. Бандуренко, Д. Белоус, Ф. Залата, А. Ковинько, Ю. Мокреев, М. Нагнибеда, Н. Тихий, А. Турчинская, М. Чабанивский, Н. Шумило — ездила в Люберцы, где выступала в Доме культуры поселка имени Дзержинского.

Вчера продолжались встречи украинских писателей с трудящимися Москвы. Днем под председательством Г. Маркова началось творческое обсуждение украинской прозы.

К. ГРИГОРЬЕВ

Олесь ГОНЧАР

Литература украинского народа

ЛИТЕРАТУРА всегда была голосом современности. В этом полнее всего проявляется ее природа, ее сущность как искусства. Неисчерпаемым источником творчества для выдающихся художников и прошлых и современных эпох была жизнь народа, его труд и борьба за лучшее будущее, его радости, горести и надежды. Бесплодием были наказаны все те декадентские течения в литературе, которые уходили на глухие тропы искусства, которые были равнодушными к народу, к его судьбам.

Думая об украинской литературе прошлого, мы с гордостью отмечаем ее народность, демократичность, органическую связь творчества лучших ее представителей с передовыми идеями времени. В лице гениального сына Украины Тараса Шевченко, в лице Ивана Франко, Леси Украинки, Михаила Коцюбинского, Панаса Мирного. Павла Грабовского украинский народ имел достойных своих современников, пламенных писателей, мыслителей, несгибаемых борцов за освобождение, глашатаев революционной дружбы с народами русским, белорусским и другими народами бывшей царской империи.

Извечная наша дружба озарена именами Пушкина и Гоголя, боевым товариществом Чернышевского, Шевченко и Добролюбова, именами Акакия Церетели, Яна Райниса, Янки Купалы и Якуба Коласа. Священны для нас эти традиции, их по праву унаследовала и развивает в новых условиях современная литература украинского народа, литература, проникнутая духом интернационализма и человечности.

Октябрьская революция, которая принесла народам нашей страны социальное и национальное освобождение, открыла перед нашей литературой, как и перед всеми братскими литературами, новую эпоху. Все лучшее из наших классических традиций — народность, гражданская активность литературы, слитность ее устремлений с устремлениями общества — получило в рожденной революцией литературе новое яркое проявление, приобрело новый смысл.

Украинская литература сегодня — это литература, полная сил и богатейших возможностей, литература, в которой до недавнего времени трудились такие блистательные художники, как Юрий Яновский, Александр Довженко и Остап Вишня, в которой ныне плодотворно работают такие первоклассные мастера, как Павло Тычина, Максим Рыльский, Александр Корнейчук, Владимир Сосюра, Микола Бажан, чьи произведения стали не только нашим национальным достоянием, но и достоянием всей многонациональной советской культуры.

Во всех жанрах — в прозе, поэзии, драматургии — растет дух беспокойных творческих поисков, отмечается обостренное внимание литературы к своему главному герою — современнику и к современным проблемам, находит творческое выражение углубленный интерес писателей к художественному исследованию народной жизни.

Критика и читатель не раз отмечали за последнее время успешное развитие украинской большой прозы. Разрабатывая могучие пласты народной жизни, опытные наши мастера создали ряд монументальных эпических полотен, какими являются романы «Клокотала Украина» Петра Панча, «Хмельницкий» Ивана Ле, «Артем Гармаш» Андрея Головко, трилогия Петра Козланюка «Юрко Крук», романы «Кровь людская—не водица» и «Хлеб и соль» Михаила Стельмаха, два новых романа Юрия Смолича о революционных событиях на Украине, «Святослав» Семена Скляренко, «Сестры Ричинские» Ирины Вильде и своеобычный, так называемый «химерный» роман Александра Ильченко, созданный на многокрасочном материале украинского фольклора.

Тем, кто говорит об однообразии, безликости советской литературы, стоило бы познакомиться с произведениями такого рода, чтобы убедиться, сколь широк и свободен творческий размах наших художников слова, сколь своеобразны их почерки и стили, сколь непохожи между собой эти яркие, самобытные творческие индивидуальности.

Современному герою, живой бурлящей современности посвящены романы Вадима Собко «Покой нам только снится», Павла Загребельного «Зной», Александра Сизоненко «Корабелы» — все это произведения о рабочем классе. О людях колхозного труда талантливо повествует Юрий Збанацкий в новой книге «Перед жатвой». В большом многоплановом романе Натана Рыбака «Время ожиданий и свершений» героями выступают советские и зарубежные ученые-физики, открывшие атомную энергию: автор дает масштабную картину борьбы советского народа за использование неисчерпаемой силы атома во имя мира, на благо человечества.

Наших прозаиков волнуют прежде всего проблемы, связанные с новыми явлениями и процессами в жизни; рисуя образ нашего современника, они стремятся увидеть качественно новое в его психологии, характере. Современная тема обстоятельно разрабатывается в новых романах Юрия Шовкопляса, Василя Кучера, Григория Тютюнника, Наума Тихого, Николая Руденко, в рассказах Ивана Сенченко и повестях Леонида Первомайского, Анатолия Хорунжего, Александра Сизоненко, Семена Жураховича, Михаила Чабанивского, Ивана Чендея, Сергея Завгородненго, Василия Большака. Подлинным гуманизмом проникнута книга рассказов выдающейся польской писательницы Ванды Василевской.

Следует особо отметить работу украинских очеркистов, которые уже дали читателю ряд интересных книг о людях коммунистического труда, о героях семилетки. Вместе с писателями всей страны писатели Украины единодушно поддержали замечательную инициативу «Правды» о создании серии книг о наших современниках.

В 1957 году Никита Сергеевич Хрущев, обращаясь к писателям и работникам искусства, высказал сожаление о том, «что так редко удается писателям и художникам достойно воплотить в произведениях литературы и искусства образы наших людей, показать, что это новые люди, рожденные и воспитанные эпохой социализма».

Да, за нами все еще числится определенный долг перед нашими тружениками, хотя у нас и созданы десятки неплохих романов, повестей, рассказов и очерков о современности. Читатель ждет на эту тему произведений наивысшего художественного качества, книг поющих, захватывающих поэзией борьбы за коммунизм.

Все с большей силой звучит в нашей литературе благородная тема борьбы за мир, тема антивоенная, антимилитаристская. Проникновенно пишут об этом в новых своих произведениях Василь Козаченко, Яков Баш, Василь Земляк, молодой харьковский поэт Василь Бондарь, испытавший на себе ужасы фашистских концлагерей.

Напряженная борьба, которую ведут народы против черных сил реакции и международного разбоя, самоотверженный труд советского человека и его борьба за светлое, мирное будущее находят живой отклик в пьесах украинских драматургов — Александра Корнейчука, Александра Левады, Николая Зарудного, Вадима Собко, Игоря Муратова, Василия Минко, Любомира Дмитерко. Современная литература, искусство могут многое сделать, чтобы помочь воспитать подрастающие поколения во всех странах в духе отвращения к милитаризму, ненависти к убийцам и разрушителям, чтобы поднять дух боевой солидарности всех сил, борющихся за мир.

В украинской современной поэзии отчетливо выделяется лирика, утверждающая интеллектуальное богатство, эмоциональную щедрость человеческой личности. Лирика обогащается глубокими раздумьями о времени, о судьбах человека, о красоте труда—творчества.

Получившие широкую известность книги Максима Рыльского «Розы и виноград» и «Далекие небосклоны», отмеченные Ленинской премией 1960 года, а также новые сборники стихов Рыльского «Голосеевская осень» и «Стая журавлей» рисуют образ нашего современника, которому присущи моральноэтическая краса, широта взглядов, творческое беспокойство мысли. Это поэзия, созданная зрелым мастером, который сегодня со всей силой и мудростью своего дарования утверждает новое в жизни, воспевает человечное в человеке.

Выдающийся поэт украинского народа Павло Тычина, поддерживая тесную связь с жизнью, с героями коммунистической семилетки, написал книгу новых стихов, в которой звучит вдохновенное слово о героях труда, о строителях Кременчугской ГЭС, о советском человеке, штурмующем космос. Отличительной чертой произведений Павло Тычины, как и раньше, является неутомимое художественное новаторство. Поэт виртуозной техники, он вводит в стихи все новые лексические пласты, понятия, поэтические определения. Стихи Павло Тычины проникнуты внутренней необходимостью большого поэта дать художественные обобщения, глубокий художественный синтез тех новых процессов, которые происходят ныне в стране, в мире, в психологии современного человека.

Новые стихи об Италии опубликовал Микола Бажан. Знакомясь с этими превосходными стихами, а также со сборником Бажана «Салют», радуешься за поэта, который смело расширяет идейно-тематические горизонты украинской советской поэзии, обогащает ее новыми художественными открытиями.

«Близкая даль»—так называется новая книга лирики Владимира Сосюры, чьи стихи пронизаны предвосхищением завтрашнего, коммунистического дня.

Андрей Малышко, поэт высокой эмоциональной силы, в новых стихах с проникновенным лиризмом воспевает родной край, передает волнующие раздумья своего современника. Творческое содружество Андрея Малышко с талантливым композитором Платоном Майбородой дало нам прекрасное соцветье современных лирических песен.

К декаде вышла большая серия украинской поэзии. Здесь книги Павла Усенко и Леонида Первомайского, Миколы Терещенко и Ивана Выргана, Миколы Нагнибеды и Платона Воронько, Любомира Дмитерко и Дмитра Павлычко, Любови Забашты и Валентины Ткаченко, Миколы Упеника и Александра Пидсухи, Саввы Голованивского и Миколы Тарновского, Евгена Бандуренко и Абрама Кацнельсона, Сергея Воскрекасенко и Дмитра Белоуса, Миколы Шеремета и Тереня Масенко, Олексы Ющенко и Василя Швеца.

Хочется сказать о важной и плодотворной работе украинских писателей, создающих книги для детей, для нашего юношества. Маленьким читателям и нашему юношеству полюбились талантливые, увлекательные книги Наталии Забилы, Леонида Смилянского, Юрия Дольд-Михайлика, Анатолия Шияна, Платона Воронько, Ивана Неходы, Валентина Бычко, Оксаны Иваненко, Ивана Багмута, Агаты Турчинской, Марии Познанской, Владимира Ладыжца, Богдана Чалого. Продолжают жить книги, созданные для детей и для юношества замечательным мастером, человеком

(Окончание на 3-й стр.)

К 40-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОКОНЧАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР

ТО, ЧТО ЗАПОМНИЛО СЕРДЦЕ

КАЖДЫЙ год у нас выходит много книг, посвященных гражданской войне. Большую популярность приобрела книга Семена Михайловича Буденного «Пройденный путь». Как рождалась она? Как была написана? Я попросил автора ответить на эти вопросы.

— Вы задаете вопросы, на которые мне трудно ответить. Вероятно, литератору это просто. Но, как известно, я себя таковым не считал и не считаю. Я не писал и не пишу повесть, роман и, упаси бог, не собираюсь заниматься беллетристикой. Я просто испытывал потребность поделиться с читателями воспоминаниями о событиях, в которых участвовал вместе с другими товарищами, — сказал С. М. Буденный.

Со времен гражданской войны у меня сохранились многочисленные схемы, документы, оперативные карты и другие штабные бумаги. Естественно, личного архива в годы гражданской войны я специально не собирал.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

В связи с 40-летием со дня разгрома Врангеля, победоносного окончания гражданской войны я нашей стране хочется, во-первых, поблагодарить советских писателей, так много сделавших для увековечения средствами художественной литературы великой борьбы советского народа, который под знаменем Ленина, под руководством Коммунистической партии в незабываемые 1917—1920 годы с оружием в руках разгромил врагов и очистил нашу священную землю от нечисти.

Во-вторых, хочется пожелать всем советским литераторам дальнейшего упорного творческого труда в этой высокой патриотической теме, вечно живой для нашего победоносно строящего коммунизм народа.

Маршал Советского Союза
С. БУДЕННЫЙ

14 ноября 1960 года.
МОСКВА

У каждого человека есть особо дорогие документы, фотографии, письма. Вот возьмешь сейчас в руки такую пожелтевшую бумагу и сразу вспомнишь старых друзей по Конармии. Другому человеку эта бумага ничего не скажет. А для тебя это вроде подсказки. Память — превеликая штука, особенно, если запомнило сердце. На память я не жалуюсь. Она помогала мне расшифровывать материал и сейчас помогает в работе над книгой.

Многое предоставили мне архивы. Кое-что дали друзья, товарищи и, как я уже сказал, кое-что сохранилось у меня. Вот, к примеру, карты. Работая над книгой, я обнаружил пробел в документах, характеризующих боевую деятельность Конной армии от Царицына до Воронежа. Эти главы я писал, пользуясь чудом уцелевшей у меня старой штабной картой. Такая же карта помогла мне работать и над главой о Львовской операции 20-го года. Таких рабочих карт, к слову сказать, у меня сохранилось свыше сорока.

— Как мыслится продолжение книги?

— Это будет цикл книг. Первый том — «Пройденный путь» — заканчивается весной 1920 года, когда Конармия стояла в районе Майкопа. Вторая книга расскажет о войне с белополяками. Ряд глав, предшествовавших этому событию, уже написан и опубликован в журнале «Дон». Третья книга будет посвящена боям за Крым, разгрому Врангеля. Четвертую книгу я посвящу Великой Отечественной войне. Как видите, задумана большая работа, но как она получится, не знаю. Правда, я имею двух очень хороших помощников — майора С. Молодых и полковника запаса С. Чернова, которые оказали и оказывают мне содействие в подборе и систематизации документов.

— Надо сказать, что после выхода книги в свет я получил сотни интереснейших писем от станичников, конармейцев, бойцов, командиров, политработников. Очень интересная почта!

Я попросил у Семена Михайловича разрешения ознакомиться с ней. И вот майор С. Молодых выложил передо мной гору папок с письмами, отзывами, фотографиями, старыми газетами, пухлыми, пожелтевшими от времени рукописями и тоненькими старыми брошюрами.

Из станицы Динская Пластуновского района Краснодарского края пишут старые буденновцы Федор Иванович Зинченко, который называет себя «бывшим зав. оружием 33-го кавполка 6-й Чонгарской кавдивизии», и Ефрем Сергеевич Григоренко — бывший боец 19-го кавполка 4-й кавдивизии. Они благодарят своего командарма за эту замечательную книгу.

— Нам уже по 67 лет, — сообщают автору старые буденновцы. — Эта книга нас обрадовала. А раз так, то мы еще и поживем.

Художник из Харькова Д. Журавлев задумал написать историческую картину и просит сообщить ему, «в какой форме был одет тогда Н. С. Хрущев, который, как Вы пишете на стр. 364-й, был комиссаром 2-го батальона 74-го стрелкового полка 9-й дивизии».

Автор книги охотно откликнулся и сообщил художнику, что Н. С. Хрущева он запомнил в обыкновенной солдатской шинели и в шапке-ушанке.

Жена бывшего комиссара 4-й кавдивизии Первой Конной армии С. Ф. Грая, по совету товарищей мужа, сообщает автору книги некоторые сведения из боевой деятельности комиссара. Семен Михайлович незамедлительно ответил, что он хорошо помнит Семена Федоровича Грая и что о нем будет рассказано в следующей книге.

— Если у вас имеется фотография С. Ф. Грая периода гражданской войны, то пришлите, пожалуйста, для помещения ее в книге, — сообщил С. М. Буденный.

В одной из папок я увидел, вероятно, самое короткое среди сотен писем, подписанное просто: «Ваш бывший конник — рубака».

— Что бы вы хотели сообщить вашим читателям — известным и неизвестным? — спросил я в заключение нашей беседы С. М. Буденного.

— Я благодарю их за внимание, помощь и постараюсь, конечно, учесть все полезные советы. Книга пишется, и будем надеяться, что новые тома без опоздания выйдут в свет, — сказал Семен Михайлович Буденный, автор волнующего рассказа о немеркнущих годах гражданской войны.

Н. МАР

ДОРОГИЕ СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

В связи с 40-летием разгрома войск Врангеля, что означало окончание гражданской войны, немалый интерес представляют и те страницы истории, которые вписывали героические советские воины в книгу побед Красной Армии на других фронтах. А. А. Фадеев, как известно, был активным участником гражданской войны на Дальнем Востоке. Впервые публикуемое его письмо знакомит нас с малоизвестными эпизодами биографии писателя и одновременно с некоторыми существенными подробностями борьбы за утверждение Советской власти на Дальнем Востоке в год окончания гражданской войны.

1954 год.

Дорогой товарищ Булочников![1]

...Да, я действительно тот самый Булыга, который был комиссаром 22-го Амурского полка, начиная с того времени, когда полк этот был еще 13-м. Вас я отлично помню, помню Ваше лицо того времени, манеру говорить и жесты Ваши. Это неудивительно: комиссаров в бригаде тогда было много, а комиссар бригады — один. Кроме того, мне, по свойству будущего писателя, очевидно, и тогда присуща была впечатлительность и хорошая память на лица (но не на даты и фамилии). К тому же я был юн, а время горячее, люди очень ярко стоят в памяти.

Расскажу, когда и как я попал в полк.

Я считался какое-то короткое время инструктором политотдела нашей дивизии (забыл ее номер, — не 3-я ли? или тогда еще 2-я). Но находился я фактически не при политотделе дивизии, а при ее комиссаре. Кажется, это был Логинов или Логвинов. Я даже жил у него в салон-вагоне. Спал в столовой на полу, подстилая тогдашние наши меховые укороченные шубы-куртки, которые мы носили белым мехом наружу. Длилось это всего лишь несколько дней. Он прочил меня в комиссары полка, если кто-нибудь погибнет или кого-нибудь нужно будет заменить. А до такой возможности обещал посылать в части, которым предстоят серьезные операции или которые находятся в трудном положении, как представителя политотдела на подкрепление комиссарам частей. Эту роль он мне отвел по причинам понятным: несмотря на свою молодость, 19 лет, я уже прошел школу партизанской борьбы в Приморье, борьбы с японцами после 4—5 апреля, был ранен, имел за плечами комиссарский стаж, имел среднее образование, был относительно политически грамотен и был уже известен ему, как хороший оратор-массовик. Но, кажется, я уже расхвастался...

Меня послали к вам и именно в этот полк перед взятием Борзи — не как комиссара, а для работы в полку, от политотдела дивизии, на подмогу комиссару. Мы с Вами поговорили накоротке, и я попал в полк накануне его наступления на Борзю. Все были заняты боевым делом, всем было не до меня.

Как Вы помните, стояли чудовищные морозы. Накануне или за несколько дней до моего приезда к вам один из ваших полков в каком-то деле потерял людей, кажется, больше от мороза: был, как говорят теперь, «во втором эшелоне», на отдыхе, 22-й (тогда 13-й) готовился брать Борзю. Я провел политработу с бойцами и участвовал во всей этой Борзинской операции полка, «прицепившись» к 3-му батальону. Я забыл фамилию и, к сожалению, даже лицо тогдашнего комиссара полка, потому что во время всей операции был не с Шамониным[2] и с ним, а при батальоне. И в моей памяти сместились некоторые факты, которые Вы, вероятно, помните лучше меня и поможете мне восстановить дорогие для меня страницы.

Этот комиссар то ли тяжело был ранен, то ли отморозил ноги настолько, что потом уже не мог вернуться в полк. Может быть, это случилось даже до Борзи, но Логинов еще не успел узнать об этом и послал меня не взамен ему, а на подмогу ему. Если это так, я его, значит, вообще не видел. Может быть, это случилось во время Борзинской операции. А может быть, это случилось позже. Но во всяком случае это случилось до взятия Даурии. Мое впечатление, что это случилось как раз во время Борзинской операции, и тогда Вы назначили взамен его комиссара одного из батальонов Шульгина. Шульгина я помню, так как впоследствии некоторое время работал с ним, пока он не ушел из полка. Операция (Борзинская) была проделана полком очень смело, но силы одного полка были малы, чтобы занять Борзю. Прорвали восемь рядов проволочных заграждений, заняли окраину и не могли перейти широкую улицу, перпендикулярную к железной дороге, так как был сильный огонь с противоположной стороны

[1] Булочников Федор Петрович — комиссар 8-й бригады, в которую входил 22-й Амурский полк, где комиссаром был А. А. Фадеев.

[2] Шамонин Иван Дмитриевич — командир 22-го полка, комиссаром которого был А. А. Фадеев.

(Окончание на 2-й стр.)

Сокращенный текст речи на открытии литературной части декады украинской литературы и искусства в Колонном зале Дома союзов 12 ноября.

Есть такой университет...

ДА, ЕСТЬ в Москве, по Донскому проезду, единственный в своем роде университет. Готовить здесь будут людей обычных профессий: инженеров и врачей, агрономов и экономистов, физиков и математиков, историков и филологов. Необычно другое: в аудиториях этого учебного заведения собраны молодые люди из десятков стран—белые, желтые, черные. Университет дружбы народов — вот как называется это учебное заведение. Между прочим, разместился этот университет в здании, где находилась раньше военная академия—тоже символика, тоже знамение времени.

На днях этот университет будет торжественно открыт. Торжественно... Но это не значит, что занятия в нем начнутся именно с этого дня. Занятия уже идут, хотя не все, кто удостоился учиться здесь, уже собраны под одной крышей.

Пройдитесь по коридорам университета, и вы услышите, как сто пятьдесят преподавателей учат своих разноцветных питомцев русскому языку. «Англичанин — гражданин Англии...»,— медленно, по слогам диктует за дверью молодая преподавательница, и это напоминает уроки первого класса, когда каждого из нас заставляли по многу раз писать в тетрадках фразы типа «у Маши шары»... Да, этим ребятам придется помногу заниматься русским языком. 4—6 часов в день — это только в аудиториях, а сколько еще дома, в общежитии!

Посмотреть, как начинает работу единственный в своем роде университет, хотят многие, в том числе и иностранные журналисты. Некоторые из них представляют те самые органы печати, которые не прочь написать, что Университет дружбы народов — вовсе никакой не университет, а школа, в которой готовятся агенты международного коммунизма. Может быть, в это поверят? Вот только хоть какую-нибудь зацепку...

— Вы коммунист? — спросил один буржуазный журналист молодого африканца.

— А вы? — бумерангом послал тот же вопрос юноша.

— При чем здесь я?

— А я при чем?

— Но ведь вы же приехали в Москву!..

— И вы приехали в Москву.

— Меня работа заставляет, профессия...

— Меня, представьте, то же самое. Пока я был под господством колонизаторов, я, чернокожий, не мог получить приличное образование и приличную профессию. В Москве я все это надеюсь получить.

Не знаю, убедительно ли показалось это господину, преисполненному подозрительности, но во всяком случае расспрашивать дальше он не стал...

Прием в университет на этот учебный год уже закончен. Но члены приемной комиссии еще и теперь не могут прийти в себя от того каскада заявлений, которые приносила почта со всех концов света.

— Это было что-то невероятное,— рассказывает сотрудница Л. Короткова.— Вот вам такой пример: заявлений из одной только Индии было прислано свыше тридцати тысяч! В иные дни у нас было занято ответами по пятьдесят, шестьдесят человек. Очень больно было отказывать...

— Да, это очень неприятно,— добавляет другой работник университета К. Новиков.— Многие вместе с заявлением присылали листов на тридцать автобиографию и начинали ее приблизительно так: «В глухой-глухой деревушке, в бедной хижине родился мальчик...» И дальше каждая строчка трогает до слез. Некоторые так стремились попасть в университет, что писали заявления во все инстанции. Есть такой семнадцатилетний индонезиец Чоа А Ли. Так он, кажется, семь заявлений прислал. Юноша, кстати, оказался очень способным, его приняли. Те, которым отказали, потом присылали новые письма: вы, дескать, сообщаете, что нет мест, но, может быть, в будущем места будут?

Что ж, тех, кто выдержал этот почти невероятный конкурс, с полным правом можно назвать счастливцами. Счастливцы, едва придя в себя от первых московских впечатлений, уже сидят в аудиториях — серьезные, сосредоточенные, по слогам повторяя за преподавателями первые русские слова. Им нужно очень многое узнать за несколько лет, этим ребятам и девушкам. И им придется нелегко.

Как сложится их судьба через несколько лет, когда они вернутся на родину? Трудно сказать... Но во всяком случае здесь, в этих аудиториях, они получат специальность и научатся дружить безотносительно к цвету кожи человека.

В. КАМАНИН

Все студенты Университета дружбы народов стремятся как можно скорее выучить русский язык. В этом им помогают новейшие методы преподавания, применяемые в университете.

Кармэн Пазс из далекой Венесуэлы хочет стать врачом, а для этого надо много работать... даже в перерыве.

Когда находишься так далеко от родины, каждая весточка из дома — словно дыхание родной земли.

Фото Г. Табачника

ОБЛАВА НА МОРЕ

«СНОВА о рыбе» — под таким заголовком 26 июля «Литературная газета» опубликовала корреспонденцию Е. Лопатиной. В ней рассказывалось о запущенном состоянии рыбного хозяйства на Каспии и на Азовском море, где отсутствие единого руководства промысловым ловом и развитием рыбных богатств приводит к варварскому уничтожению ценных пород рыб.

Статья вызвала отклик широких читательских кругов. Да это и понятно! Вопросы рачительного, бережного использования природных ресурсов страны всегда волновали нашу общественность. В свое время «Литературная газета» не раз писала о грубых нарушениях правил рыболовства, о многочисленных фактах браконьерства, о недостаточности проводимых рыбоводных и рыбоохранных мероприятий. В адрес бывшего Министерства рыбной промышленности СССР было высказано немало серьезных упреков.

В ноябре 1956 года «Литературная газета» напечатала письмо министра рыбной промышленности СССР тов. А. Ишкова. Признав критику, содержавшуюся в выступлениях газеты, в основном правильной, А. Ишков заверил тогда читателей, что будут приняты «все меры к дальнейшему расширению и улучшению всей работы, связанной с охраной и воспроизводством рыбных запасов».

В письме много говорилось о вновь создаваемой широкой сети рыбоводных заводов по выращиванию молодняка ценных пород рыб, о всевозможных мерах по ослаблению интенсивности рыболовства во внутренних водоемах и особенно в Азовском море.

Прошло четыре года. Статья Е. Лопатиной, многочисленные отклики на это выступление, как и публикуемая сегодня статья Л. Новикова-Коваля «Облава на море», показывают, что положение во внутренних водоемах страны остается по-прежнему тревожным.

Когда же, наконец, будет решена проблема развития рыбных богатств Азовского и Каспийского морей? Что скажет на это сегодня министр СССР тов. А. Ишков, возглавляющий Главное управление рыбного хозяйства Госплана СССР?

***

СПОКОЙНЫМ, почти неподвижным было Азовское море у причалов Геническа. В его глянцевитой воде отражались силуэты судов, барж, баркасов, фелюг. Тишине пристани наверняка порадовались бы люди, любящие покой, но на рыбаков тишина эта действовала удручающе. Какой уж день ждали они свежего восточного ветерка — доброго предвестника хорошей путины. И вот прояснилось все кругом, зашуршала листвою акация и взволновал морскую гладь легкий ветер.

К двум часам ночи команда рыболовецкого судна «АЧС-57» в полном сборе была на палубе. Капитан Николай Корниенко осмотрел снасти, проверил, как работают механизмы, готовность рации и дал команду на выход в море. Покинув порт, судно быстро набрало скорость и взяло курс на Арабатскую стрелку.

Город, укрывшийся за мерцающими огоньками гавани, спал спокойно. Стояла та редкостная звездная теплая ночь, какие бывают в это время в Приазовье, лишь команда была объята тревогой. Что принесет лов? Обилие рыбы, а вместе с тем и надежду на удачу путины, или сети окажутся пустыми, и тогда наверняка запрет лова продлят бог весть на какое время?

На рассвете закинули невод.

— Тонна!..

Сделали еще один заход в море, но и на нем не закончили пробного лова, пошли дальше. Через каждую милю сбрасывали якорь и закидывали волокушу. Неутомимо работала лебедка, выбрасывая на палубу трепещущую рыбу. Что ни бросок — то тонна-полторы рыбы!..

15 тонн бычка сдали в тот день рыбаки Геническому рыбоконсервному заводу — рекордный улов!

— Видал, как ахнули, — гудел на палубе басистый рыбак, сидевший в кругу своих товарищей, хлебавших свежую уху.

— Рекорд-то рекордом, — бросил как бы невзначай капитан Корниенко, — а радоваться малость рановато. Вот нагрянет черноморская флотилия, выловит бычка, не возрадуешься тогда рекорду... Одни воспоминания только и останутся.

Рыбаки примолкли. Пятнадцатитонный суточный улов уже не радовал. Путину, возможно, разрешат, но что она даст?

Отчего же так? Что означали расстроившие рыбаков слова капитана? И об этом надо рассказать поподробнее.

ФЛОТ АТАКУЕТ

Путину действительно разрешили. Рыбацкая флотилия вышла в море. В восемь утра с борта «Победителя» радировали: «Рыбачим у Обиточной косы. Можем сдавать бычок». Из Геническа навстречу «Победителю» консервный завод направил приемные рефрижераторные суда.

Но сообщение, переданное по рации, услыхали не только на заводе, его приняли и далеко за Керчью, на тех судах, которым оно и вовсе не адресовалось. И капитаны тех судов дали команду сняться с якорей. Через несколько часов показались незваные гости. Ветер трепал их флаги. Видимо-невидимо привалило судов. Откуда только они не прибыли: из Очакова и Николаева, Херсона и Батуми, Поти и Одессы, Керчи и Сухуми. Сотни километров шли они из Черного в Азовское море, оставив там лов скумбрии, ставриды, пеламиды. Здесь, на маленьком пятачке Азовского побережья, где, честно говоря, и одному «Победителю» с местной колхозной флотилией до конца путины дела не так-то много, начала атаку на бычка черноморская флотилия.

Снуют туда суда, толкаются, кидают в море драги, тянут груз на лебедку. Не ловят они бычка, а вычерпывают вместе с илом и с мальком.

Сдается, что само море ревет и стонет от боли, которую причиняют его богатствам ретивые промысловики. Но море безмолвно. Оно, как и суда, подчиняется капитанам. А у капитанов свои законы. От совнархозов они получают план промыслового лова. Главное для них — план. Какой ценой выполняется этот план, мало кого волнует.

Не напоминает ли все это «подвиги» пиратов у волжской плотины, о чем недавно писали «Литературная газета» и «Комсомольская правда»?

...В Геническом порту мы повстречались с только что возвратившимися с моря колхозными рыбаками.

— Какой уж там лов, — с досадой сказал Дмитрий Данилович Величко, старый рыбак, и махнул рукой. — Больше полвека рыбачил, а такого сроду не видывал. Бычка, говорим, нет. Откуда же ему быть, если ловят его вон каким флотом. Нашим баркасам после него делать уже нечего.

Боль и горькая обида звучали в словах старого рыбака! И разве не прав он? Обратимся к данным Азово-Черноморского научно - исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии. Накануне путины его ученые исследовали запасы рыбы. И вот их вывод: бычки, достигшие промысловых размеров, составили лишь 33 процента общего количества измеренных рыб. Тогда как еще в 1958 году они преобладали в бассейне и составляли 64 процента.

Ученые утверждают, что за последние четыре года запасы бычка сократились втрое. Опасаясь полного истощения моря, они предлагают в текущую путину ловить не больше 150 тысяч центнеров рыбы. А это значит, что промысловый лов сократится в три раза...

ВОСЕМЬ НЯНЕК, А ПОРЯДКА НЕТ

Кто же занимается в Азовском море организацией рыбного хозяйства, регулированием рыболовства, развитием рыбной промышленности?

Формально — совнархозы. По существу — никто.

— Нет у нас на море хозяина, а отсюда и все беды, — в один голос заявляют рыбаки.

В самом деле, на Азово-Черноморском побережье — несколько совнархозов. Каждый из них имеет отраслевое управление, ведающее рыбной промышленностью. В какой-то мере совнархозы еще заботятся об оснащении флота моторизованными судами, механизированными средствами лова, о расширении производственных мощностей предприятий, о выполнении плана добычи и переработки рыбы.

А вот регулирование лова, развитие рыбного хозяйства, от которых зависят и план, и будущее промысла, то есть самое главное, находятся во власти самотека.

За примерами недалеко ходить. В Сиваше, который сливается с Азовским морем, весной скапливается много кефали. Мальками приходит она сюда из Черного моря, нагуливает, растет и косяками плывет назад вдоль Азовского побережья. Нынче рыбаки уже не раз выходили на лов кефали. Но возвращались без рыбы.

Почему?

Там, где Сиваш соединяется с морем, стоит железнодорожный мост. У моста почти вплотную стоят ледорезы, снуют лодки, баркасы. Кефаль — рыба с тонким чутьем. Она не любит шума, света, не переносит паровозных гудков. Маленькие рыбешки под мостом осенью уходят по течению в море, а те, что покрупнее, устремляются к месту старого выхода. Раньше этот выход был в двух километрах от моста. Сама природа его создала в виде естественной проймы, размытой морем в теле насыпи. Здесь и проходила кефаль. Через пройму проложена железная дорога к карьеру. И вот вместо того чтобы здесь построить небольшой мост, пройму взяли да и засыпали щебнем. Образовалась дамба, заслон. За эту глупую затею теперь само море мстит. Каждый раз осенью, когда поднимается шторм, море выходит из берегов, размывает путь, вырывает и отбрасывает в сторону бетон, шпалы, рельсы. Сотни тысяч рублей из года в год тратит симферопольское отделение Сталинской железной дороги на восстановление дороги. К ним следует добавить убытки в миллионы рублей, которые терпит от простоев карьер. Если бы вложить эти средства в строительство, давно был бы переброшен через пройму железнодорожный мост. Но моста не строят ни большого, ни маленького. Херсонский совнархоз и Министерство путей сообщения никак не договорятся, кто же должен финансировать строительство. Спорят они уже несколько лет. Тем временем неспокойное море разрушает дорогу, а кефаль с наступлением холодов, не находя выхода в море, бьется о сваи, гибнет в лиманах.

Вот что происходит внутри одного лишь совнархоза. А как строятся деловые взаимоотношения между различными совнархозами? Все они расположены по соседству один от другого, работают под одним небом, нередко рыбачат в одном бассейне. Но попробуй геничане сдать выловленную рыбу таганрожцам, или, наоборот, таганрожцы — геничанам. Ничего у них не выйдет.

— Чужую рыбу не берем, — говорит приемщик, — езжайте в свой совнархоз.

...«Свое», «чужое», как часто заражены этим люди в совнархозах! Это стало чуть ли не девизом некоторых руководителей.

Директор Генического рыбоконсервного завода Николай Иванович Линецкий с возмущением говорит:

— К осенней путине мы подготовили рефрижераторы, холодильники, цехи. И вдруг в день начала путины пришла радиограмма из Укррыбвода: запрещается лов еще в течение двух недель. Начали мы готовиться к переработке овощей, а тем временем в Керчь направили судно за рыбой. Для большей прочности заручились письмом Госплана Украины. Прибыло судно в Керчь, и тут его команду облили ушатом ледяной воды.

— За пределы Крыма совнархоз рыбу не продает, — заявил главный инженер крымского рыбтреста тов. Кириллов и отбросил прочь госплановскую бумажку.

Такие случаи не являются тут исключением. Но речь не о них. Дело идет о самом главном: как быть дальше?

В сложившейся обстановке назрела необходимость упразднить управления рыбной промышленности совнархозов и областные рыбокомбинаты, создав вместо них на побережье единое управление рыбной промышленности Юга.

Объединив рыболовецкие колхозы, заводы, научные институты и их филиалы, такое управление сможет осуществить планомерную координацию развития рыбного хозяйства. Опытные специалисты, ученые, практики займутся изучением богатств бассейнов, разработают научные основы воспроизводства рыбных запасов, внедрят прогрессивную технику лова и переработки рыбы. Начнется нормальный промысел, и тогда неистощимое море отдаст свои богатства в руки рыбаков.

Собственно, предложение это не новое. Управления, координирующие промысловый лов и переработку рыбы, оправдали себя уже на побережье Дальнего Востока. Рыбаки Херсонщины, зная об этом опыте, обратились в Госплан СССР, Госплан и Совет Министров Украины с предложением образовать аналогичное управление на Азово-Черноморском побережье. Госплан ничего не ответил. Отмолчались и в украинских инстанциях. Предложение же находит повсеместно одобрение и поддержку. Весною Херсонский обком партии проводил у себя совещание работников рыбной промышленности. Его участники буквально хором требовали создания на море координирующего центра. Обком обещал поддержать. Прошло несколько месяцев. Управление рыбной промышленности в Херсонском совнархозе действительно упразднили... влив его в пищевое. Бывший начальник управления, опытный специалист по рыбному делу Сергей Григорьевич Теплухин еще дальше отдалился от моря. Возглавив пищевое управление, он осваивает теперь мясное и молочное дело...

А время идет. Облава на море продолжается.

С тоскою смотрят на море старые рыбаки. Они все ждут, не появится ли, наконец, на горизонте настоящий хозяин.

Л. НОВИКОВ-КОВАЛЬ

ГЕНИЧЕСК,
Херсонская область

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ НА ЮБИЛЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО

В связи с 50-летием со дня смерти Л. Н. Толстого в Москву по приглашению Союза писателей СССР и Академии наук СССР прибыли зарубежные писатели и литературоведы. Среди них: крупный английский прогрессивный литературовед и критик Арнольд Кеттл, генеральный секретарь Союза писателей Болгарии Георгий Караславов, венгерский журналист и писатель Миклош Сабольчи, один из крупнейших вьетнамских прозаиков Нгуен Конг Хоан, известный немецкий публицист и литературовед Виланд Херцфельде, секретарь литературной Академии Индии Кришна Криполани, иракский литературовед Халед ас-Салям, профессор Римского университета Этторе Ло Гатто, секретарь Союза китайских писателей, директор института литературы Академии наук КНР Хэ Ци-фан, секретарь Союза корейских писателей Пак Ун Гер, секретарь Союза монгольских писателей Чойжлын Чимид, польский литературный критик и переводчик произведений Л. Н. Толстого Анджей Ставар, член-корреспондент Академии наук Румынской Народной Республики Джео Богза, один из крупнейших чехословацких писателей Ян Дрда, член правления Союза писателей Швеции Альберт Викстен, генеральный секретарь Союза писателей Югославии Александр Вучо и японский литературный критик и переводчик русской литературы на японский язык Хакуё Накамура.

14 ноября правление Союза писателей СССР устроило обед в честь гостей, на обеде присутствовали секретари правления Союза писателей СССР Н. Бажан, А. Сурков, А. Салынский, Л. Леонов, П. Бровка, Т. Абдумомунов, директор Института мировой литературы имени Горького профессор И. Анисимов и другие.

В тот же день делегация приняла участие в заседании научной сессии Отделения литературы и языка и Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, посвященной 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого.

ДОРОГИЕ СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

улицы и особенно фланговый, пулеметный — то ли с белого бронепоезда, то ли просто выставили пулеметы с фланга, сейчас не помню.

Шамонин, как мне потом стало известно, просил у Бондарева подкрепления, а Бондарев не позволил отойти и не давал подкрепления. Вы должны вспомнить, как мы с Вами разговаривали об этом, когда я уже стал комиссаром полка. Вы рассказывали, как ужасно переживали Вы тогда положение нашего полка. Бондарев — бывший каппелевец, полковник, — и то Вам казалось, что его доводы, как опытного военного, справедливы, то Вам казалось, что он нарочно губит полк.

Впоследствии мне приходилось разговаривать на эту тему и с Бондаревым. Он объяснил мне все вполне логично. Приказ — взять Борзю — он обязан выполнить. Один полк у него потрепан. Он посылает другой, имея третий в резерве. Если бы он дал той ночью и этот резервный полк на подкрепление нам, то, независимо от того, удалось или не удалось бы взять Борзю, он понес бы большие потери во всех трех полках и, не имея больше резерва, остался бы без боеспособной бригады, а еще предстояли серьезнейшие операции.

Одним словом, мы потеряли не мало людей... Ведь мы наступали весь день по совершенно открытой местности, под шрапнельным огнем, чтобы накопиться перед самой Ворзей к ночной атаке.

И разрешили нам отойти перед самым утром, после чего я вернулся обратно в дивизию. Как я полагаю, назначение Шульгина вместо выбывшего комиссара 13-го полка показалось Логинову достаточным, во всяком случае после этого боевого дела он разрешил мне съездить к моему двоюродному брату [1], который был комиссаром бригады, где командиром был Тетерин-Петров. (Эта бригада была уже не из забайкальцев, а из амурцев и приморцев, наступала она на другом фланге по отношению к вашей бригаде). Здесь, как Вы помните, события развертывались с феерической быстротой, хотя и со страшным напряжением. Борзя была взята. Штаб дивизии выезжал на Борзю. Я попал в бригаду Тетерина-Петрова, когда она, так же как и ваша, наступала на Даурию. Помню этот великолепный ночной бой, артиллерийскую дуэль, взорвавшуюся церковь, — она была начинена снарядами.

Там все части, участвовавшие во взятии Даурии, захватили много муки, сахара. Изголодавшиеся бойцы разводили костры на улице, на полу казарм и пекли примитивные лепешки с сахаром, угощая всех, все начальство, кто бы ни зашел. Но в течение, если не ошибаюсь, нескольких суток, а может быть, немногим больше (поскольку на другой же день после взятия Даурии я опять вернулся на Борзю, где уже был политотдел дивизии и где был Логинов), ряд частей был уже отведен в тыл. Во всяком случае очень скоро после этих событий штаб 8-й бригады (тогда она, кажется, была 5-й) очутился на Борзе, а полки в деревнях возле Борзи. Вот тут-то выяснилось, что Шульгин не удовлетворяет ни Вас, ни 13-й полк (вскоре уже ставший 22-м),— его обвиняли в трусости в боевой обстановке, называли «интеллигентиком». И меня послали комиссаром этого полка, как человека, которого там уже знали по боевым делам.

Там я уже работал под Вашим непосредственным руководством, сдружился с Шамониным, с пестрым тогдашним командирским составом, с политработниками и, конечно, с бойцами, — и часто бывал я у Вас по делу и в гостях на Борзе. А потом вместе с полком и с другими полками мы проделали путь пешком из-под Борзи под Нерчинск, в деревню Шивки. Как Вы наверно помните, нас направили в этот тяжелый зимний поход пешим порядком не только из-за ужасной разрухи транспорта, а и для того, чтобы мы оставили на месте большие запасы белой муки и сахара, захваченные у противника в Даурии. Но мы обратились к помощи населения и вывезли свою мучку и сахар на новое место, где впоследствии никакие комиссии свыше уже не могли у нас эти запасы обнаружить.

Напомню Вам также, что либо Вас взяли на какую-то временную работу вне бригады (а может быть, Вы болели?), но какой-то срок — месяца два — я замещал Вас, был врид комиссара 8-й бригады, в каковом качестве и попал на конференцию военкомов политработников и комячеек Нарревармии в Читу, где был избран делегатом X-го съезда РКП(б).

Расскажу Вам и о Шамонине. Он был человек интеллигентный, но очень простой, демократичный, очень волевой и храбрый командир. Он происходил из крестьян одной из поволжских губерний, учился в Казанском университете, но не знаю, кончил ли его. Он был в империалистическую войну офицером, пройдя ту несколько укороченную подготовку, с помощью которой царское правительство пополняло убыль офицерского состава армии, не останавливаясь уже и перед тем, чтобы производить в офицеры и демократические элементы. Он провоевал всю ту войну, был несколько раз ранен, одна рана была у него в лицо, тяжелая, оставила шрамы, хорошо, впрочем, зарубцевавшиеся. Значения Октябрьского переворота он, как многие тогда из офицерской среды, не понял и в конце концов оказался в каппелевской армии. Находился он в ней вплоть до конца каппелевского ледяного похода (в обход Иркутска — в Забайкалье). Но он, как человек очень демократический, очень связанный с солдатской массой, командир подлинно суворовской складки, довольно скоро понял прежде всего антипатриотический и антинародный характер белого движения, воевал уже на их стороне по инерции, по трудности «выйти из дела», так как еще боялся большевиков. Но когда он соприкоснулся с забайкальской атаманщиной, с японцами, с семеновцами, он с группой солдат, еще задолго до того, как начался массовый переход каппелевцев и задолго до перехода ряда каппелевских офицеров, перешел с ротой солдат к партизанам и начал в рядах партизан сражаться против японцев и атамановцев. Перешел ли он в отряд Погодаева [2] или в какой-нибудь другой отряд, а потом уже после всяких переформирований был назначен командиром 13-го полка, этого я не знаю. Если он мне рассказывал это, — а он много рассказывал мне о себе, — я уже не помню подробностей, тем более, что хорошо знал я партизанское движение Приморья, а амурское и забайкальское только понаслышке. Во всяком случае, в полку даже самые распартизанские элементы не корили его службой у белых, относились к нему с уважением, как к человеку своему, проверенному в боях.

В конце двадцатых годов он нашел меня в Москве. Он в это время работал уже учителем в селе Шаховском Московской области, ставшим потом центром Шаховского района. Он по-прежнему был закоренелым холостяком. Взял у меня немного денег на разведение пасеки и действительно развел пасеку, деньги вернул, а потом каждый год наезжал ко мне летом и привозил меда.

Во время Отечественной войны, когда немцы подошли к Шаховской, он добровольно остался командиром партизанского отряда этой местности и сражался во главе своего отряда до изгнания оккупантов. За это он был награжден вторым боевым орденом Красного Знамени. По освобождении от немцев района его назначили зав. районо, а потом он отпросился и работал директором школы. Четыре или пять лет тому назад он тяжело заболел и умер... Виделись мы с ним раз или два в году, когда он приезжал в Москву. Потом я отхлопатывал его детям пенсию, после его смерти...

Рад был получить весть от старого боевого товарища. Если память мне не изменила, вы начали свой трудовой путь рабочим на золотых приисках?

Крепко жму Вашу руку. Привет всей Вашей семье.

А. ФАДЕЕВ

1 Сибирцев Игорь Михайлович — двоюродный брат и друг А. А. Фадеева, участник партизанского движения на Дальнем Востоке.

2 Погодаев — командир партизанского отряда, действовавшего в Забайкалье.

Памяти Ф. И. Панферова

Совет Министров РСФСР принял постановление об увековечении памяти Федора Ивановича Панферова. Имя писателя решено присвоить строящемуся сейчас мощному пассажирскому теплоходу Волжского объединенного пароходства, а также Вольскому педагогическому училищу и открывающейся на родине писателя в селе Павловка Ульяновской области детской библиотеке.

Совет Министров РСФСР поручил Мосгорисполкому присвоить имя Ф. И. Панферова одной из улиц Москвы.

Н. Ф. ПОГОДИНУ — 60 ЛЕТ

Человек своего времени

Виктор РОЗОВ

ЧУВСТВУЕШЬ себя крайне неловко, когда берешься написать даже очень коротко о человеке, с которым ты работаешь в одной области, но который в ней начал работать гораздо раньше тебя и был для тебя прокладывателем дорог и, бесспорно, учителем. Еще труднее это сделать, когда берешься писать о таком сложном, противоречивом, оригинальном человеке, как Николай Федорович Погодин. И, однако, я беру на себя эту смелость и пишу. С Погодиным я познакомился впервые в Костроме, когда смотрел в городском театре пьесы «Темп». «Поэма о топоре». Я был в то время еще почти подросток, но пьесы и спектакли эти до сих пор помню хорошо. Затем я, будучи учеником театральной школы московского театра Революции (ныне Театр имени Маяковского), видел спектакли «Мой друг», «После бала». Смотрел их по многу раз и некоторые места знаю наизусть. Пять или шесть раз бегал в Реалистический театр смотреть «Аристократы», так ярко прозвучавшие в те годы. Я смотрел все пьесы Погодина, может быть, за исключением одной-двух, которые почти не видели сцены.

Погодинские пьесы я всегда жду. Почему? Потому что Погодин неожидан. Неожиданностью для меня были в свое время и «Поэма о топоре», пьеса с таким нетеатральным названием, и «Мой друг», разрушавший уже тогда сложившиеся штампы образа передового партийца, и «Аристократы», и «Сонет Петрарки». Уже за одно то, что от Погодина можно ждать удивительного, неожиданного,—за одно это спасибо. Я люблю далеко не все пьесы Николая Федоровича, но в каждой пьесе я что-то люблю: образ, сцену или просто одну фразу. А это тоже не малое. Погодин, если смотреть его пьесы на свет,— удивительно человек своего времени! Его больше беспокоит жизнь, нежели искусство. Он всегда современен. Его позиция абсолютно точна: он писатель-коммунист. Так, во всяком случае, «доходит» он до меня. Когда я говорю, что Николай Федорович для меня учитель, то понимаю это слово широко... Для меня учителя и Файко, и Корнейчук, и Арбузов, и Володин. Соприкосновение с талантом—всегда прекрасное учение. Мне нравится свободное, чисто погодинское обращение с материалом, вернее, свободная его композиция. Люблю язык его персонажей — насыщенный, сочный.

Ленинская трилогия его—лучшее, что есть о Ленине в театре. И лично мне дорог его Владимир Ильич Ленин именно тем, что он удивительно сегодняшний Ленин. Думаю, что когда Погодин писал первую, вторую или третью части трилогии, он сознательно останавливался на тех или иных сторонах деятельности Ленина, выбирал именно те или иные черты вождя, о которых особенно важно было сказать именно в данное время. В фигуре В. И. Ленина Погодин дает образец, идею сегодняшнего человека и при этом нисколько не идеализирует образ Владимира Ильича, дает его чрезвычайно мягко, живым. Еще не могу не сказать, что я просто поражен удивительной работоспособностью Погодина. Вот уж поистине пример для всех нас.

Я думаю, Николай Федорович не обидится на меня за то, что моя заметка носит не совсем юбилейный характер, так как в статьях подобного типа вроде бы не полагается делать даже малейших критических замечаний, а я написал о какой-то противоречивости, о том, что не все пьесы юбиляра мне нравятся. Если бы я писал о каком-нибудь другом человеке, я бы этого, может быть, и не сделал, а здесь считаю возможным, так как пишу о человеке большом, которого люблю, которому желаю здоровья и от которого с радостью жду новых пьес.

В ТЕАТРАХ УКРАИНЫ

Опера Н. Лысенко «Тарас Бульба» в Государственном театре оперы и балета УССР. В роли Тараса Бульбы — Андрей Кикоть.

ОВЕЯННЫЙ БУРЕЙ, ЗАРЕЙ ОЗАРЕННЫЙ...

ЕСТЬ, мне думается, писатели одной задушевной темы, как есть люди одной любви. Горит ли эта любовь ясным и ровным светом или обрушивается грозным обвалом, засыпает снежной порошей — она, одна-единственная — забрала, не отпускает.

Таким вот трудным, упрямым «однолюбом» представляется мне в украинской прозе Михайло Стельмах. Как-то уж очень крепко, бесповоротно захватила его одна большая тема — доля украинских бедняков-земледельцев. Родная земля, обильно политая потом и кровью народа, мозолистые, трудовые руки, веками истосковавшиеся по этой земле, щедрые крестьянские сердца — отзывчивые на добро и суровые в горе... Эту самую большую и горячую любовь М. Стельмаха ощущаешь сразу, с первых строк еще его романа-хроники «Большая родня», которым начал он для нас, современников, свой рассказ о судьбах украинского крестьянства. Это была, я бы сказал, по-настоящему «крупная» книга, горячая и очень искренняя.

И хотя к тому же это был первый роман М. Стельмаха, в нем уже слышался уверенный голос своеобразного таланта, голос романтика и поэта, умеющего соединить эпический размах своего рассказа о людях и минувших событиях с певучим, песенным, народным лиризмом.

Уже в «Большой родне», посвященной в главной своей части, можно сказать, современности,— событиям последней Отечественной войны, мы, читатели, ощутили огромной силы эмоциональный заряд, тот «ток высокого напряжения», благодаря которому в двух последующих своих романах «Кровь людская — не водица» и «Хлеб и соль» М. Стельмах смог развернуть многокрасочную панораму целого исторического периода, создать поток характеров самобытных, цельных, как в фокусе собирающих в себе все душевное богатство и силу народа, борющегося за землю и волю.

Пожалуй, сейчас как-то даже трудно говорить в отдельности о каждом из романов М. Стельмаха. Для меня, например, это не просто произведения, связанные по теме, содержанию, стилю и образной структуре. Я воспринимаю три романа М. Стельмаха как три главы единого эпического повествования об очистительной буре революции, о полувековом пути украинского народа к свободе и счастью.

Конечно, то, о чем рассказывает М. Стельмах, отдалено от жизни нашего Узбекистана не одной сотней километров и не одним десятком лет. Но большая правда книг писателя так же поражает и волнует нас, как и украинских читателей. Кроме того, внимательный к судьбам бедняков, их стремлениям и надеждам, М. Стельмах открыл нам многие не тронутые еще писателями и неповторимые стороны далекой эпохи, обогатив наше представление о борьбе братского украинского народа против своих угнетателей-помещиков, кулаков и их подголосков. Борьба эта была хорошо знакома узбекским дехканам, так же как и украинским батракам.

Не менее ожесточенным было и в Узбекистане время, описанное М. Стельмахом. И у нас тоже в муках и суровых битвах рождались новые человеческие отношения, новый быт, рождалось новое поколение людей, умы и сердца которых исполнены светлых помыслов о грядущем. Об этом рассказывают народу и наши книги, например, известный роман Айбека «Священная кровь».

Поэтому нам так близки и понятны романы М. Стельмаха. Нам понятна тяжелая, бушующая в крови, как река в половодье, бедняцкая ненависть к барам, одинаково захлестнувшая и спокойного, замкнутого Романа Волошина, и бесшабашного Левка Щербину, поначалу еще тянущегося к богатству, и сурового Марьяна Поляруша, только еще начинающего разгибать натруженную спину... Кровь Тимофия Горицвита и Василя Пидопригоры, пролитая в борьбе за светлую жизнь трудового человека, — для меня священная кровь. А душевный огонь сельского коммуниста Свирида Мирошниченко, носителя высокой гуманистической морали нового мира, — тот самый священный огонь, в котором закаляются сердца героев.

«Человеку всегда страшно бывает постичь, что за его жизнь кто-то платит кровью — мать ли родная, или замученный на чужой работе отец, или неведомый друг, который был смелее, лучше тебя. Многие стараются не думать об этом, будто и правда их хата с краю, и становятся хуже, мельче и в глазах людей и в собственных глазах».

Нет, не таковы у М. Стельмаха труженики и мученики земли. Бурям и ветрам не под силу согнуть этих людей. Прочно стоят они на земле, орошенной солью их слез, впитавшей в себя их несокрушимую ненависть.

Для писателя самое большое счастье — создать в своих произведениях высокохудожественные образы людей, идейно стойких, готовых идти на любые подвиги ради счастья народа, таких героев, которые бы встали сейчас для читателей в один ряд с шолоховским Давыдовым, с Воропаевым П. Павленко, Мересьевым Б. Полевого. Мне кажется, что это самое трудное и самое важное для писателя удалось сделать украинскому романисту М. Стельмаху. Именно таким героем вижу я у него Свирида Мирошниченко. В острых социальных столкновениях, в запутанном клубке сложных человеческих характеров, в суровых испытаниях, выпавших на его долю, в бурном водовороте событий есть для Свирида только один путь — с народом. Он делает этот выбор один раз, и никогда ему не изменит, не свернет — что бы ни встало на пути.

Меня поистине потряс тот эпизод из романа «Кровь людская — не водица», где остервенелый сельский богатей Сичкарь, чующий свою близкую гибель, хладнокровно убивает детей Мирошниченко. Высокой драматической силы достигает писатель на страницах, рассказывающих о душевном состоянии отца, потерявшего разом самое дорогое в жизни. «Люди видели, как в нечеловеческой муке замирало его сердце, как ложились морщины у глаз, из которых не выдавилось ни одной слезинки, словно иссякли они у человека». Но человек не сдался, он нашел в себе силы вновь встать в ряды борцов. Как-то в одном из своих стихотворений М. Стельмах писал о коммунисте:

Овеянный бурей, зарей озаренный,
Твой образ призывный у всех на виду.

В прозе этот «призывный образ» М. Стельмах создает в присущей ему окрыленной поэтико-романтической стилевой манере. Глубокое проникновение в духовный мир тружеников земли, потянувшихся к счастью, реалистическая правда характеров, высокий социальный накал событий словно омыты в его романах мощной поэтической струей. Разумеется, романтическое, поэтическое видение мира, имея свои эстетические достоинства, не всегда и не все стороны жизни даст возможность ярко показать сквозь свою магическую призму. Поэтому М. Стельмах не ограничивается им. Иногда он как бы заглушает излюбленную лирическую интонацию и берется за другие краски своей богатой палитры. Раскрывая психологическую сущность врага, прослеживая логику его морального падения, он обнаруживает и умение пользоваться сдержанной, но злой сатирической струей красок. В лирическую стихию романов М. Стельмаха естественно вливается саркастический огонь. Но романтическая окрыленность преобладает. Она с большой силой воскрешает героину эпохи и придает неповторимую прелесть книгам М. Стельмаха.

Эпизоды страстной борьбы в селе за землю вырастают у М. Стельмаха до больших раздумий о времени, поднимаются на поверхность глубинные жизненные пласты, встают важные философские проблемы.

Прочитав романы, нельзя остаться безразличным к событиям, героям, о которых рассказывает М. Стельмах. Мы всей душой с ними, с этими борцами за народное счастье. Думая о них, мы становимся лучше, благороднее, нравственно богаче. Мы чувствуем величие и неодолимость дела народа, строящего коммунизм.

Аскад МУХТАР

ТАШКЕНТ

Литература украинского народа

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

большой души Александром Копыленко.

Убедительным примером активного вторжения писателя в жизнь являются острые, меткие фельетоны и юморески Степана Олейника, Федора Макивчука, Александра Ковинько и других сатириков, которые группируются вокруг популярнейшего в республике журнала «Перець». Продолжая традиции пламенного Ярослава Галана, зверски убитого наемными слугами Ватикана, с боевыми памфлетами выступает писатель из Львова Юрий Мельничук, разоблачающий тяжкие злодеяния украинских буржуазных националистов. Острие пера наших сатириков направлено против международной реакции, против клеветы, которую возводят на нашу республику господа дифенбейкеры и им подобные.

Значительная роль в литературе принадлежит нашей литературной критике. Рост литературы настоятельно требует активизации критической мысли, большего ее внимания к современному литературному процессу. Важнейшим событием нашей литературной жизни была незабываемая встреча 17 июля, где руководители партии и правительства дали много добрых и вдохновляющих советов нашей литературе, в частности работникам литературно-критического фронта.

Общепризнанны успехи украинского шевченковедения, все глубже исследуется богатое классическое наследие и творчество советских писателей. Как пример действенной, мыслящей критики, выступающей против всякого рода вульгаризаций, назову работы академика А. И. Белецкого, глубокосодержательные, получившие всесоюзную известность книги Леонида Новиченко «Поэзия и революция», Николая Шамоты «Художник и народ», современные в лучшем смысле этого слова критические выступления Крыжанивского, Барабаша, Коваленко, Буряка, Шаховского, Старинкевич, Киселева, Острика, Бурляя, Иванисенко, Кобылецкого, Трипольского, Ищука. Заслугой украинской критики являются боевые выступления против ревизионистских тенденций в литературе, за идейную чистоту творчества.

И критики, и писатели сходятся на том, что в наше время требования к литературе возрастают, и если она, литература, хочет быть настоящей властительницей дум своего современника, действеннее формировать гражданский, моральный облик подрастающего поколения и его эстетические вкусы, она не должна довольствоваться устаревшими представлениями, обветшалыми образами, не может ограничивать себя лишь использованием того, что стало или становится уже традицией. Ей нужны смелость и новизна и прежде всего, разумеется, реалистическая достоверность, страстность и правдивость, ведь только этим, только правдой и можно воспитывать читателя. Современное содержание, новый жизненный материал требуют обогащения всего арсенала изобразительных средств, поисков новых возможностей слова, новой поэтики, более современной художественной формы. Искусству противопоказана какая-либо закостенелость, ему свойственно вечное обновление. Литература не может жить отраженным светом, идущим из прошлого, ей положено светить самой светом современности. В этом плане нам представляется не случайной дискуссия о приметах современного стиля, хотя ясно же, что тут не столько рецептура нужна, сколько работа на более свободном дыхании, а главное — более углубленное проникновение в жизнь, в сложнейший духовный мир современного человека.

Настоящего художника всегда отличает творческая неудовлетворенность, жажда открытий, нетерпимость ко всякого рода переперам, шаблонам и штампам. Наши старшие мастера в этом отношении подавали и подают достойный пример творческой молодежи — той молодежи, которой, к слову сказать, и сегодня совсем не бедна украинская литература.

Я мог бы назвать здесь десятки новых имен молодых литераторов, которые, идя в литературу, несут ей юношескую свежесть образов, новые мотивы и краски. Юрий Герасименко и Виктор Кочевский из Харькова, Евгений Летюк из Донбасса, Владимир Бабляк из Черновц, Лина Костенко из Киева, Станислав Стриженюк из Одессы, Семен Данилейко из Днепропетровска, Николай Петренко, Надия Приходько, Тамара Коломиец, Евгений Куртяк, Михаил Клименко — все это люди, которым есть что сказать читателю, высокоразвитому своему современнику.

На Украине в творческом содружестве с украинскими литераторами работает большой отряд талантливых русских писателей — Николай Ушаков, Виктор Некрасов, Павел Беспощадный, Виктор Кондратенко, Владимир Беляев, Иван Рядченко, Матвей Тевелев, Борис Котляров, Владимир Добровольский, Борис Палийчук, Леонид Вышеславский, Николай Строковский, Юрий Черный-Диденко, Николай Дубов, Федор Залата и другие.

Прекрасные плоды дает нам ленинская дружба народов. Декада завершает целую полосу в развитии нашей литературы, в укреплении между писателями республик взаимных творческих связей. Мы высоко ценим всех, кто укрепляет дружбу наших литератур своим трудом, своими талантливыми переводами классических и современных произведений. Спасибо говорим сегодня вам, Николай Тихонов, Михаил Исаковский, Александр Прокофьев, Алексей Сурков, Павел Антокольский, Николай Ушаков и все наши русские друзья! Мы выражаем также свою чистосердечную благодарность всем, кто помогает популяризации украинского художественного слова на языках братских союзных и автономных республик. Большая эта работа способствует взаимообогащению наших литератур.

Переводы на русский помогают открыть широкую дорогу украинской книге не только к читателю всесоюзному, но также и к читателям за рубежом. До революции лишь немногие произведения украинских писателей были известны в других странах. Ныне же книги, созданные на Украине, выходят в Праге и Софии, в Варшаве и Пекине, произведения украинских писателей переводят в Риме и Париже, и этот процесс отражает повсеместно растущий интерес к нашей культуре, так плодотворно развивающейся в братском содружестве свободных и равноправных социалистических наций.

Для украинских писателей и читателей является родным и дорогим творчество Михаила Шолохова, Леонида Леонова, Константина Федина, Николая Тихонова, Николая Погодина. На Украине широкой популярностью пользуются книги Леонида Соболева, Валентина Катаева, Бориса Полевого, Николая Грибачева, Михаила Светлова, Александра Твардовского, Алексея Суркова, Степана Щипачева, пьесы Анатолия Софронова и Афанасия Салынского, романы Всеволода Кочетова, Евгения Поповкина, Аркадия Первенцева, Мухтара Ауэзова, Вилиса Лациса, Юхана Смуула, Мирзы Ибрагимова, Шарафа Рашидова, книги Мирзо Турсун-заде, Берды Кербабаева, Иралия Абашидзе и Симона Чиковани, Расула Гамзатова, Эдуарда Межелайтиса, Петруся Бровки, Янки Брыля и Аркадия Кулешова и многих других замечательных писателей, чьи произведения мы с любовью переводим и издаем на Украине. Украинский язык могуч и прекрасен, он дает возможность донести до читателя красоту, изящество и певучесть поэзии Пушкина и Мицкевича, тончайшие оттенки прозы Чехова или Льва Толстого. Мы всегда помним, как любили этот язык, какими близкими, искренними друзьями нашей литературы были Максим Горький, Владимир Маяковский, Александр Фадеев. Их традиции достойно продолжают современные русские писатели, наши собратья по боевому литературному делу, с которыми мы работаем рука об руку.

Сегодня, когда мы говорим о судьбах нашей культуры, нашего народа, невольно вспоминаются гордые слова поэта:

Я есть народ, якого Правды сила
Ніким звойована ще не була.
Яка біда мене, яка чума косила! —
А сила знову розцвіла.

Это может сегодня сказать о себе вся украинская расцветающая культура.

Нам, работникам многонациональной советской литературы, выпало счастье показать миру бессмертные подвиги и свершения нашего народа, победное шествие коммунизма, выпало счастье быть не только певцами и летописцами величайшей эпохи в истории человечества, но и мужественными борцами за нового человека, за новое общество, за новый мир. Советские писатели выполнят свой долг — таково наше слово сегодня народу и родной Коммунистической партии.

ЖЕЛАЮ УДАЧИ

НАЧАЛАСЬ украинская декада. И радость, и взволнованное ожидание вызывает она.

Радость, что приехали самые известные, заслуженные театры, замечательные исполнители. И привезли не только знакомые оперы «Тарас Бульба» Н. Лысенко, «Аскольдова могила» А. Верстовского, а и новые: «Арсенал» Г. Майбороды, «Первая весна» Г. Жуковского и балет «Черное золото» В. Гомолякн...

А ожидание, какое-то особое, взволнованное ожидание, возникает вот почему. Все мы помним минувшие декады украинского искусства. Помним их успех. Волнение от встречи с настоящим талантом: от знакомства с новыми именами и гордости за старую гвардию.

Так было. А как-то будет?

В искусстве нет пророка. Я еще не слышал новые оперы, не видел балеты. Но могу сказать одно: не любить украинское искусство невозможно. В особенности музыку, пение. Ведь если природа, климат действительно оказывают влияние на психику человека, на его душевный мир, то мягкая гармония украинской природы, которую так чудесно воспел еще Гоголь и наши современные писатели и поэты, сопутствует желанию человека петь. И где только, в каком городе, в каком оперном театре не встретишь певцов с Украины! А начинали, учились, оканчивали школу они в Киеве, Харькове, Львове... Но, говоря о сегодняшнем украинском искусстве, нельзя не вспомнить добром таких корифеев, как Литвиненко-Вольгемут, Кипоренко-Даманский, Микиша, Паторжинский, Цинев, Петрусенко, Тессейр.

Научиться петь по книгам нельзя. И в труде наших звучащих сегодня, приехавших к нам в гости певцов есть труд их предшественников.

Мы часто и как-то легко забываем своих учителей. Тех, кто помогал нам делать первые шаги в искусстве. Стоит вспомнить удивительного киевского педагога профессора по классу вокала Елену Александровну Муравьеву. Цифры, так сказать, арифметика, конечно, определяют не все в искусстве. Но и не мало. И над тем, что у Муравьевой поют в музыкальных театрах более четырехсот учеников, задуматься стоит. Особенно если подумать, сколько было и есть еще певцов, которые учились у этих ее учеников. Солистка Киевской оперы Мирошниченко — ученица Тессейр, а она воспитанница Муравьевой. Сколько певцов воспитала в московском институте имени Гнесиных Наталья Павловна Франковская, она тоже питомица Муравьевой. Их много — таких подвижников в искусстве, как Муравьева, воспитавшая и русских, и украинских певцов.

Дружба. Предки дали нам пример. Михаил Щепкин зимой на лошадях ездил в Нижний Новгород встретить, повидаться, согреть человеческим теплом Тараса Шевченко, которому въезд в Москву был запрещен.

Сегодня в Москву приезжают тысячи представителей украинской культуры и тысячи их встречают. И как цветок от опыления дает свое прекрасное цветение, так наши творческие встречи породят новые всходы.

Доброжелательность — великое дело. Этим летом я был в гостях на Украине, выступал в Киевском оперном театре. Встречи, совместные выступления с украинскими артистами были волнующими и радостными. А сейчас в Москву приехали Гришко, Гмыря, Ковак, Тимохин, Огневой, Гнатюк, Лариса и Бэла Руденко, Шолина, Мирошниченко, дирижер Климов, художник Петрицкий.

Я не говорю о своих любимых поэтах, драматургах и драматических артистах, которых я люблю и ценю. Назвать их, дорогая редакция, ваш долг.

После сердечных и искренних объятий, поздравлений, добрых пожеланий будут рассуждения...

Могут ли они быть едины?! Нет. Не могут. Да и не надо. Но могут ли они быть доброжелательны?! Несомненно.

Жажда творческого познания велика. Так много интересного в поэзии, в музыке, в оперных и драматических спектаклях и различных концертных программах, живописи, скульптуре. Как говорят — есть что показать. И есть что увидеть, услышать.

Удачи и радости желаю моим дорогим землякам и коллегам!

И. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист Советского Союза

В ТЕАТРАХ УКРАИНЫ

В балете М. Скорульского «Лесная песня» в роли Мавки выступает молодая солистка Государственного театра оперы и балета Алла Гавриленко. Фото М. Муразова

К 60-ЛЕТИЮ САБИТА МУКАНОВА

ТВОРЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Общественность Казахстана отмечает 60-летие со дня рождения и 40-летие творческой деятельности видного казахского писателя Сабита Муканова. Правление Союза писателей СССР горячо поздравило юбиляра и послало в его адрес приветствие, в котором говорится: «Вступив на литературное поприще в годы зарождения казахской советской литературы, Вы сыграли большую роль в ее формировании и становлении, в ее успешном развитии на путях социалистического реализма.

Главной темой Вашего творчества является современность, ее морально-нравственные и общественно-социальные проблемы. В своих основных произведениях — поэтических, прозаических, драматических и публицистических — Вы убедительно показали те поистине сказочные перемены, которые произошли в жизни братского Казахстана за годы Советской власти...

Заслуживают высокой оценки Ваша неутомимая общественная деятельность и вдумчивая исследовательская работа в области критики и литературоведения. Ваша активная борьба за идейную чистоту и художественное совершенство литературы.

Свое шестидесятилетие Вы встречаете в расцвете творческих сил и энергии.

От всей души желаем Вам, дорогой наш Сабит, крепкого здоровья, новых и новых творческих успехов на радость миллионам советских читателей».

СЛОВА «первый» писатель, «первое» произведение, «впервые», говоря о Сабите Муканове, приходится повторять часто. Это понятно: в те годы, когда писатель пришел в литературу, многое приходилось начинать сызнова, об очень многом писать впервые. Сабит Муканов — автор первого стихотворения об образовании казахской государственности. Поэт назвал его «Бостандык», что значит свобода. И поэма «Батрак» — первое произведение в казахской литературе в котором писатель создал образ положительного героя, человека, преданного революции и партии большевиков. Поэма эта была новаторской не только по теме. Новое революционное содержание ее требовало от автора и совершенно новой поэтической формы.

Но и преображенный стих с четкой разговорной интонацией и новым словаре м оказался тесен для Муканова, для тех широчайших социальных замыслов, которые он вынашивал. И вот в 30-х годах поэт переходит на прозу. Один за другим следуют роман «Сын бая» — о классовой борьбе в ауле, роман о становлении Советской власти в Казахстане «Ботагоз», наконец, роман «Сыр-Дарья» и автобиографическая эпопея «Школа жизни».

Писателя интересуют прежде всего проблемы, выдвинутые временем.

В первые годы Советской власти в Казахстане остро встала проблема орошения Голодной степи. Этому посвящает писатель свой роман «Сыр-Дарья». «Но, — писал А. Фадеев, — тема романа значительнее и шире. Сабит Муканов показывает новых людей — казахов старшего и младшего поколений, воспитанных советским строем». «Сыр-Дарья» воспевает человеческий труд и мужество, которые должны превратить Голодную степь в цветущий край.

Образами степи насыщен и другой роман Муканова «Школа жизни». Это поэтическая автобиография писателя. В ней прежде всего поражает блестящая творческая память С. Муканова. Рассказывая о детстве, писатель действительно вспоминает все, что трудно сохранить в памяти. Страшный степной пожар, который перевернул всю жизнь мальчика, случившись тогда, когда ему было только пять лет; и чудесное озеро, в котором он плескался со своими товарищами и ловил утят; и замечательного охотника Ораза, без промаха догонявшего из своего старого-престарого чиненного-перечиненного кремневого ружья и зайца в поле, и орла в небе.

Прочтите «Школу жизни», и вы узнаете, как расцветает весной степь, как она пахнет летом, какие свирепые бураны воют в зимние волчьи ночи. Увидите рассвет над степью и поймете, как это замечательно. Узнаете и замечательных людей, населяющих эту степь. Вот они — чудаки, бедняки и знаменитости степи: знахарка Кымбат, «сухонькая женщина, похожая на малокровную девочку, тщедушная, слабая», которая мужественно лечит внушением бесноватых; безумная красавица Умсын, когда-то насильно увезенная нелюбимым и сошедшая от этого с ума; знаменитый «собачий святой» Шокпыт, наделенный чудесным даром укрощать самых свирепых и диких псов и видеть в абсолютной темноте, — человек странный, таинственный, непонятный и в то же время простой и отзывчивый, такой же бедняк, как и все, кто его окружает. А вот добродушный великан и добряк кузнец Корабай. Ему уже за восемьдесят, и почти все эти восемь десятков лет он простоял у горна с молотом в руках; нет у него ни юрты, чтобы укрыться от дождя и стужи, ни сына, чтобы раздувать меха над горном, ни клячонки, чтобы выехать на летовку, — ровно ничего, кроме тех чудесных историй, которые он рассказывает всем зашедшим в его кузню. Но что это за рассказы! Маленький Сабит запомнил их на всю жизнь. Здесь хлеба восходят на чудесных дрожжах, распирая собой печь. Здесь соседу конь приторачивают к шее спящего лебедя, и тот едва не уносит в небо коня с телегой.

Светлой, горячей любовью к своей земле, ее природе, прекрасным ее людям пронизано творчество Сабита Муканова. Эта любовь наполняет волнующим теплом и глубокой человечностью романы и поэмы писателя, его путевые очерки и рассказы о дальних странствиях, о людях, с которыми он встречался. И разве не эта же любовь привлекает в театр тысячи зрителей, когда ставится драма Муканова «Чокан Валиханов», — пьеса человечная, поэтическая, такая же мужественная, как и тот герой, о котором она написана!

Сейчас Муканов вот уже четвертый год работает над большим романом о целине и целинниках. Эта книга как бы подводит итог всему, что написано им о степи. В ней будет рассказано о новых людях на новой земле и о новых человеческих взаимоотношениях. Пожелаем, чтоб эта книга скорее дошла до читателя.

Ю. ДОМБРОВСКИЙ

До новых встреч!

ОКОЛО трех недель гостили в Советском Союзе польские драматурги Здзислав Скоморонский, Казимеж Корцелли, Ванда Жулкевская, Галина Аудерская. Они побывали в Москве, в Ленинграде, в Таллине, всюду встречались и беседовали с советскими писателями и театральными деятелями. Вместе с польскими друзьями обсуждали проблемы современной драматургии секретари правления Союза писателей СССР Т. Абдумомунов, П. Бровка, А. Салынский, А. Сурков, секретарь правления Союза писателей РСФСР А. Софронов, главный редактор журнала «Театр» В. Пименов, драматурги Л. Шейнин, А. Штейн и другие.

На днях делегация польских драматургов выехала из Москвы на родину. Прощаясь, Здзислав Скоморонский сказал:

— Мы встретились с интересными людьми и многое увидели. В Таллине, например, на нас произвела большое впечатление игра артистов эстонского национального театра, не уступающего лучшим московским театрам. В рамках единства народов СССР есть место и для развития национальных культур.

Накануне годовщины Октябрьской революции мы были в Ленинграде. Незабываемым останется тот момент, когда, пройдя длинный коридор Смольного, мы очутились в зале, где в 1917 году проходил исторический съезд партии. Сейчас здесь господствовала торжественная тишина, нарушаемая лишь тихим голосом экскурсовода. Затем нам показали квартиру В. И. Ленина. Мы смотрели на телефонный аппарат, по которому было передано столько важнейших распоряжений, и поражались скромности комнаты, где жил и работал великий гений революции.

На следующий день мы приехали в Москву. После тихой торжественной обстановки, в которой чувствуешь себя как бы один на один с историей, мы оказались в многолюдной, говорливой, бурлящей столице, готовящейся к празднику. Картина праздника и демонстрации трудящихся на Красной площади превзошла все наши ожидания. Колонны ликующих демонстрантов ярко свидетельствовали, что для всех этих людей Октябрьские торжества являются естественной потребностью их сердец.

Мы рады, что нам выпало счастье увидеть, как советский народ празднует свой самый большой праздник, который в то же время является праздником всего прогрессивного человечества.

Толстой и современность

Накануне 50-летия со дня смерти Л. Толстого редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду видных зарубежных общественных деятелей и писателей с просьбой поделиться своими мыслями о творчестве Льва Толстого, о его значении для современности. Сегодня мы публикуем первые из полученных нами ответов.

Вечные звезды

Шон О'КЕЙСИ

НЕ ТОЛЬКО необъятное небо может похвастать звездными россыпями, — у человечества тоже есть свои звезды, и некоторые из них могут поспорить по яркости с любой из звезд, сверкающих в заоблачной выси. В самых различных областях искусства — в живописи, скульптуре, архитектуре, музыке и литературе — блистают, переливаясь разными цветами, бессмертные звезды. Среди литературных светил есть одна немеркнущая звезда, яркость которой год от года возрастает. Этот человек-светило — русский по национальности. Он известен нам под именем Льва Толстого.

Но что такое имя? Одно имя говорит так мало! Как ни назови розу, она не утратит от этого своего аромата, сказал Шекспир. Какое бы имя ни носил Толстой, он был бы так же велик. Само по себе имя мало значит. Пусть оно даже овеяно славой и пользуется известностью чуть ли не в любом уголке мира. Просто знать имя и только — это совсем никуда не годится. Надо знать гораздо больше.

Отсюда следует, что, говоря о Льве Толстом, мы не должны ограничиваться одним повторением его имени, даже если мы будем делать это с почтением и благоговением, — Толстой ни в грош не ставил ни то, ни другое. Если бы существовала загробная жизнь и Роберт Бернс, поэт-пахарь смог бы встретиться с Львом Толстым, они, по моему глубокому убеждению, отлично поладили бы друг с другом по одной простой причине: без лент и чинов человек может все-таки быть Человеком, каким был Робби Бернс, точь-в-точь так же, как и с лентами и чинами человек все-таки может быть Человеком, каким был Лев Толстой. И тот, и *другой горячо верили в братство людей*, оба не покладая рук боролись за то, чтобы претворить его в жизнь, каждый из них был великим поэтом.

Иногда меня спрашивают: как вы думаете, почему произведения Толстого по сей день остаются такими же современными, как и тогда, когда они были написаны, почему его идеи находят путь к сердцам и умам стольких людей и, главное, в чем заключается «секрет» бессмертия его книг?

Так как О'Кейси не мастер раскрывать тайны, то, насколько это касается меня, «секрет» (если он вообще существует) так и останется неразгаданным. С таким же успехом можно было бы пытаться разгадать секрет бессмертной славы Шекспира. Подобные загадки никто не может разгадать, но зато факты очевидны и понятны каждому: и Шекспир, и Толстой были великими людьми, а у великих есть чудесное обыкновение жить в веках. Нам твердят, что драматург Шекспир и писатель Толстой давно умерли, и тем не менее эти великие люди, эти великие личности своего времени продолжают жить среди нас, укрепляя в наших современниках чувство собственного достоинства, мужество и любовь к прекрасному. Такова уж замечательная способность великих людей — они не только приносят славу своей собственной стране, но к тому же щедро дарят свои духовные богатства как своим соотечественникам, скажем, англичанам или русским, так и всем людям, желающим получить их.

Толстой обладал на редкость глубоким и смелым умом и широчайшим кругозором. Он брался за разрешение самых сложных проблем. Разрешить многие из них оказалось ему не под силу, некоторые доставляли ему немало мучений, но он брался за разрешение каждой из них с мужеством, на которое способны немногие из нас. Его могучий интеллект отличался сложностью и многогранностью. На всем мышлении Толстого лежала печать поэтической одухотворенности. Такие умы в сочетании с поэтическим мировосприятием настолько редки, их значение для человечества так велико, что им не дано умереть. Любопытно, что все дурное и бесчестное обречено на погибель, и если его иной раз воскрешают в памяти, то делают это с содроганием, а все доброе и благородное сохраняется. Пусть это будет не абсолютное добро и не идеальное благородство, — все же это подлинное добро и подлинное благородство, которые окрыляют человека, придают глубину его мыслям и пробуждают в его груди непреклонную решимость продолжать вдумчиво и деятельно трудиться над тем, чтобы обеспечить нашему миру безопасность и сделать его более прекрасным.

Проблемы, над которыми в свое время ломал голову Толстой, ныне стоят перед нами, причем некоторые из них приняли еще более острый и угрожающий характер, например вопрос войны и мира. Черные дни разгула фашизма, обрушившего неисчислимые бедствия на многие страны, научили нас ненавидеть войну, и эта ненависть не угаснет никогда. Новая война привела бы к уничтожению жизни на большей части нашей планеты. Не мудрено поэтому, что я, так же как и многие миллионы моих современников, разделяю страстное стремление Льва Толстого к миру и братству. Всю свою долгую жизнь Толстой искал истину так же упорно, как Питер-землепашец из поэмы Лэнгленда. Порой эти поиски проявлялись у него в форме, которая сегодня покажется кое-кому из нас странной, но, несмотря на то, что мы ищем истину иначе, мы тем не менее стремимся познать и отстоять ее.

Толстому была ненавистна так называемая «благотворительность», вместо которой он требовал справедливого отношения к русскому крестьянину, а тем самым требовал справедливости для крестьян всего мира. Горя желанием облегчить долю русских крестьян, Толстой занимался народным образованием, делая все, что было в его силах, чтобы обучить крестьян грамоте — высокому искусству читать и писать.

Многие миллионы людей до сих пор находятся в тисках нищеты и невежества. Вполне возможно, что даже в наши дни они живут в худших условиях, чем самые бедные крестьяне во времена Толстого, причем такая картина наблюдается не только в Азии, Африке и Латинской Америке, но и совсем под боком. В Ирландии, в Дублинской и Килдерской епархиях римской католической церкви, остро нуждающимся беднякам было роздано четыре миллиона бесплатных обедов. Тысячи семей до сих пор живут в темных, мрачных и грязных подвалах, *настолько непригодных для жилья*, что рабочие, живущие в более сносных условиях, зовут людей, которые ютятся в этих дырах, «пещерными жителями». В Глазго есть район ужасающих трущоб — Горбелс, в живописном Эдинбурге бросаются в глаза ветхие сводчатые проходы с улицы во внутренний двор, темные и зловещие. В Лондоне и на севере Англии имеется множество таких же трущоб, где тысячи и тысячи семей обитают в конурах, в которых человеку жить не пристало. Отсюда явствует, что эпоха Толстого мало чем отличается в этом отношении от нашей и все сказанное тогда сохраняет злободневность поныне.

Придет время, и все, за что боролся Толстой и ради чего он трудился, найдет свое воплощение в честном, деятельном и разумном образе жизни, который воцарится повсеместно, как это уже произошло в Советском Союзе и в других социалистических странах. Но даже когда наступит эта благословенная пора, Толстой останется такой же яркой звездой первой величины, как всегда...

Пожелания норвежца

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Льва Толстого на протяжении десятилетий выпускаются многими норвежскими издательствами. Его романы и рассказы любит и читает большинство норвежского народа. *Книги Толстого, особенно «Войну и мир»* и «Анну Каренину», можно найти в любой норвежской библиотеке.

Критики в Норвегии, как и во всем мире, высоко ценят художественные произведения Толстого, отмечая их высокое мастерство и величие.

Я больше всего восхищаюсь очерками и рассказами времен Крымской войны и страницами «Войны и мира». Толстой показывает не героическую сторону войны, а, как трезвый человек, разоблачает ее ужасы. Наполеон не был его героем. Нет... Во время последней войны с фашистской Германией Лев Толстой был поддержкой норвежскому народу. Тайком и с радостью мы читали его в годы оккупации, Гитлер запрещал нам читать Толстого.

Лев Толстой выступал за мир и сотрудничество между народами. И в день его юбилея мне хочется передать от себя лично и от многих норвежцев сердечный привет *великому русскому народу*. Поверьте мне, что большинство норвежского народа хочет мира и сотрудничества между всеми народами на земле.

Артур ОМРЕ,
норвежский писатель

Николай БОЯДЖИЕВ,
болгарский поэт

У МОГИЛЫ

Ни мрамора, ни бронзы, ни креста...
И здесь, его бессмертьем изумленный,
ты думаешь, что жизнь его проста,
и вся — в исканьях «палочки зеленой».

О чем-то с ветром шепчется трава,
соседка верная немой могилы,
и в этой светлой зелени жива
и молодость, и свежесть вечной силы.

Ни мрамора, ни бронзы, ни креста...
В любви идущих ныне поколений
нашла свое бессмертье красота
и простота, которой славен гений.

Перевел с болгарского
К. ГУСЕВ

«СНИМИТЕ ЦЕПИ!»

Петрос АНТЕОС

БОЛЬНО писать о страданиях близкого человека. Еще больнее, если этот человек стал близок миллионам. Если он, один из самых чистых и благородных людей нашего времени, подвергается несправедливому и безжалостному преследованию уже в течение почти 20 лет. Столько же, сколько прошло со дня подвига, который принес славу его родине и наполнил гордостью сердца людей.

И все же, сжимая одной рукой перо, а другой сердце, я должен снова писать о нем, о Манолисе Глезосе.

Я не хочу никого обидеть. Я хочу лишь показать каждому честному человеку, каких бы убеждений он ни придерживался, судьбу скромного героя, а за нею судьбу мужественного народа.

В ночь с 30 на 31 мая 1941 года 19-летний студент Глезос со своим другом сорвал гитлеровскую свастику с Акрополя, тем самым подняв знамя Сопротивления Греции. Если бы это стоило ему жизни, то наверняка те, кто преследует его сегодня, воздвигли бы ему памятник в Афинах. Мертвые герои менее опасны, чем живые...

Но Глезос — это живой герой, который не только когда-то совершил подвиг, но человек непрерывного подвига. Несмотря на заочный смертный приговор Гитлера «похитителям германского военного знамени», он продолжал свою подпольную борьбу против оккупантов. В 1942 году его арестовало гестапо. От пережитых мук у него началось кровохарканье, перешедшее в туберкулез, которым он болеет и поныне.

В 1943 году оккупанты снова арестовывают Глезоса, но через год, после драматического побега из тюрьмы, он вновь сражается в первых рядах молодежи Афин...

А в 1948 году его арестовывают опять, но уже не оккупанты. Греческие власти, вынесшие еще два новых смертных приговора Глезосу, пытались привести в исполнение старый приговор Гитлера. Но вот граждане Афин в 1951 году огромным большинством голосов выбирают этого приговоренного к смерти «преступника» своим депутатом в парламент. Разумеется, его избрание было объявлено недействительным. В знак протеста Манолис объявил голодовку, которую прекратил лишь на двенадцатый день, услышав голос народа за стеной тюрьмы, скандировавшего: «Прекрати, Манолис! Они хотят тебя убить! Мы освободим тебя!» Этот голос, слившийся с гневными протестами миллионов людей по всему миру, спас его и принес ему в 1954 году свободу. Но 5 декабря 1958 года — снова арест. Несмотря на всеобщий протест, его предают военному трибуналу по чудовищному обвинению в «шпионаже» и осуждают на долгие годы тюрьмы и ссылки. Скоро исполнится еще два года его жизни в тюрьме.

Подытожим же жизнь героя, который впервые был брошен в застенок гитлеровцами 20-летним юношей и приближается к своему сорокалетию уже в греческой тюрьме: судебные преследования, три смертных приговора, четыре года подпольной антифашистской борьбы, десять лет каторги, тысяча дней в камере смертника, несколько изнурительных голодовок, туберкулез легких и сердечные болезни... А душевные страдания? *Героя* можно назвать стальным, но он не из стали. Он из плоти, нервов, сердца. Как же выдержать сердцу героя Сопротивления, который видит сквозь решетку тюрьмы, как «отпускаются грехи» палачам его народа! А ему годами не разрешается взять на руки любимого сына Никоса, ласкать поседевшую от горя голову его матери Андромахи... Манолис Глезос, измученный, с подорванным здоровьем, и поныне остается в камере страшной тюрьмы на острове Корфу.

ПЕРЕДО мною последние афинские газеты. За две недели было собрано 46 037 подписей на специальных открытках с требованием освобождения Глезоса. Для тех, которым это число покажется недостаточным, я скажу, что каждая подпись — это моральная победа греческих патриотов: только за эту подпись десятки граждан ежедневно арестовываются и отдаются под суд. Каждый подписавшийся — кандидат в заключенные. Однако кампания за освобождение Глезоса ширится изо дня в день. Под обращением подписываются бывшие министры и учащиеся, депутаты парламента и рабочие, писатели и священники, офицеры и крестьяне. Подписываются общественные организации, муниципальные советы и мэры городов.

«...В то время, когда освобождаются палачи нашего народа, нельзя держать в тюрьме самого выдающегося героя нашей освободительной борьбы. Свобода Глезосу и другим борцам означает свободу отчизне», — добавляет на открытке крупнейший поэт Греции Варналис.

«Героев надо чествовать лаврами, а не кандалами», — пишет афинский рабочий.

«Снимите цепи с рук, разорвавших сваю стику!» — призывает врач из Пирея.

Маленькие дети обходят автобусы, обращаясь к пассажирам: «Подписывайтесь за Манолиса».

«В нашем доме все говорят о Глезоса и ставят свои подписи, бабушка зажгла лампаду, чтобы вышли из тюрем Глезос и другие. Папа написал стихи о Манолисе. Я не подписывал открытку, но всюду, где я читал эти стихи, все хлопали в ладоши в честь Манолиса. Хочу и я помочь, чтобы Глезос скорее вышел из тюрьмы, повтому я разбил свою копилку и посылаю все деньги, которые в ней были, — 123 драхмы. Поцелуйте от меня Глезоса». Это письмо ученика начальной школы Христакиса Цероникса.

Движение за освобождение Глезоса усиливается во всем мире. Наряду с такими известными деятелями, как Венсан Ориоль, генерал де Голль, Элеонора Рузвельт, выступавшими уже раньше в защиту Глезоса, все новые и новые общественные деятели, подобно английскому философу Бертрану Расселу, известному юристу Денису Притту, лорду Чорли, присоединяют свой голос к требованию об освобождении Глезоса. Комитет граждан Гамбурга передал греческому консулу меморандум с 274 подписями.

В наши дни, когда на руки невинного человека надевают кандалы, кровоточат запястья у всех честных людей на земле.

Я ХОТЕЛ бы сейчас обратиться к вам, советские друзья. У меня негромкий голос, я всего лишь один из 60 тысяч греческих патриотов, которым те же силы, что держат Глезоса в тюрьме, уже 12 лет не дают вернуться на родину. Но я знаю, ваше сердце слышит малейший стон на земле, и для меня это самая ценная черта советских людей. Много вы сделали для спасения Глезоса, когда ему угрожал расстрел, и наш народ вечно будет благодарен вам за вто. Но убивают не только пули палачей: стены тюрьмы тяжелее могильных плит...

Пора положить конец невыносимым страданиям большого человека!

Возвысьте ваш справедливый голос, чтобы с берегов Тихого океана и Балтики, с Уральских и Кавказских гор, со всех уголков Советской страны он долетел до берегов Эгейского моря — до совести тех, кто отнимает солнце у героя. Если мы все вместе потребуем свободу Глезосу, то справедливость победит.

Дружба народов сильнее смерти и железных решеток тюрьмы. Свободу Манолису Глезосу, чести и гордости Греции!

ВЕЛИКИЙ ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

2. НИЩЕТА НА ЗОЛОТОЙ ЗЕМЛЕ

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Отправляясь в автомобильное путешествие по Нигерии, я взял с собой только что вышедший номер американского журнала «Ньюсуик». Выступая от имени Запада, журнал приветствовал независимость Нигерии, «учитывая ряд характерных черт», таких, как «умеренное прозападное правительство» и «здоровая экономика».

Я оторвался от страниц журнала. По обеим сторонам дороги стеной стояла переплетающаяся и извивающаяся темно-зеленая стена джунглей. Если приглядеться, видно, что деревья стоят по колено в черной болотной воде. Реки текут среди болот, то разливаясь и образуя озера, то неожиданно иссякая.

Шофер-нигериец показал нам на ржавые крыши под пальмами. По узеньким дамбам и мосткам он привел нас в рыбацкий поселок на реке Огун. Дома, стоящие на сваях, кажутся покинутыми — в них нет никакой мебели. Но на циновках лежат и полулежат люди, ползают дети. Я не встретил здесь стариков, хотя все взрослые жители деревни казались престарелыми. Здесь не доживают до старости. Лишь восемь процентов нигерийцев достигают пятидесяти лет. Я никогда не видел таких желтых, ярко-желтых глаз, налитых лихорадкой.

А неподалеку от этого первобытного поселка с долбленными пирогами, присосавшимися к берегу, — высокая ажурная мачта радиорелейной линии из города Ибадана. Но здесь, в поселке, уж, наверное, не смотрят телевизионных программ. Я не могу перечислить, что есть и чего нет у этих людей. У них просто ничего нет.

Деревня на реке Огун — страшное свидетельство колониального господства. Убийственная нищета на богатейшей земле, в роскошных лесах, под сенью телевизионной мачты...

Едем в другую деревню. Она стоит на возвышенности и окружена плантациями какао. Здесь — глинобитные дома, глухие дворы мусульман. Около каждого дома — могилы предков... На циновках сушатся зерна какао. Циновки с зернами повсюду — и на дороге, и на камнях могил, и на крышах домов. Еще бы — Нигерия занимает третье место в мировом экспорте какао. А в хижинах — лишь зияющая пустота.

Я спросил старика, вернее, мужчину, казавшегося стариком, вкусное ли здесь какао.

Он посмотрел на меня долгим, печальным, изумленным взглядом и ответил:

— Я не знаю. Я его не пробовал...

В этой деревне мы узнали и о том, что урожаи какао, ямса, бананов, кукурузы с каждым годом все беднее. И это «Ньюсуик» называет «здоровой экономикой»! Журнал подсчитал, что за последние десять лет экспорт из Нигерии вырос в два раза. Но даже в официальных справочниках указывается, что средний доход на душу населения в Нигерии в 14 раз меньше, чем в Англии. Не удержался журнал от панегириков по поводу «цивилизаторской» деятельности англичан в Нигерии, подготовивших за 100 лет владычества... несколько сот врачей.

«Нигерия, — с нескрываемым вожделением восклицает «Ньюсуик», — является магнитом для западных капиталовложений». Вряд ли ведь Нельсон Рокфеллер прибыл в эти дни в Лагос только для того, чтобы присутствовать на спектакле «Песня о Нигерии»! Нигерийская земля богата железом, свинцом, цинком, оловом, колумбитом, вольфрамом, золотом, углем и нефтью. Английские монополии только за последние пять лет вложили в Нигерию около миллиарда долларов. Уолл-стрит торопится догнать Сити. По стране шныряют также ловкие эмиссары западногерманских фирм...

Начало см. в «Литературной газете» № 134 от 10 ноября.

Приятно впервые сфотографироваться возле герба своего независимого государства. Фото автора

Город Икороду встретил нас оглушительным громом тамтамов. Все население — на улицах. Женщины с детьми, привязанными на спине, кружатся, кружатся в танце. В каждой группе танцующих — сто, двести, триста человек. Толпа окружила нас, мы попали в ее плотный поток и слились с ней. Шофер громко говорил танцующим вокруг нас людям: «Это друзья, это друзья».

Я не умею танцевать, но оттертые друг от друга, мы, два советских корреспондента и кинооператор, радостно переглядывались. Да, мы празднуем вместе с нигерийцами, вместе с ними встречаем независимость их страны.

Кое-как выбравшись из толпы, мы проехали на тихую окраинную улицу. Здесь, в маленьком кафе, за столиком сидел мрачноватый человек в синем одеянии и красной парчовой шапочке. Нас познакомили. Одинокий мужчина, тянувший из бутылки с этикеткой «Независимость» пиво через соломинку, оказался местным «принцем» Адиджи Окойя. «Принц» угостил нас пивом и грустно сказал, что жалеет об уходе англичан. «Королева Виктория, — говорил он, — освободила нас от рабства. Пришельцы не обижали феодальных князей. Но ничего не поделаешь. Все в мире изменяется. Люди услышали, что Россия независима, и тоже хотят получить независимость». Не один «принц» Адиджи Окойя грустит по поводу предоставления Нигерии независимости. При англичанах феодальные князьки — эмиры, племенные вожди, старшины чувствовали себя увереннее. Это на них опирались колонизаторы.

Мы вышли с «принцем» на улицу, где стояла его малолитражка с помятыми боками и короной, аляповато нарисованной на заднем стекле. Грузная фигура «принца» как бы олицетворяла собой одиночество... А людской вал под гром тамтамов уже заполнил эту только что бывшую такой тихой улочку...

ГРУППА нигерийских юношей окружила меня на улице.

— Вы из Москвы? Нам очень хочется побывать в Москве, а пока это труднодостижимо, и мы просим Москву побывать в нашем доме, — сказал один из них по-французски.

Я с радостью принял приглашение. Ночь, как всегда, наступила рано, в окнах многих домов мерцали желтые язычки коптилок.

Заметив разветвленные провода, я спросил, почему не везде горит электричество. Может быть, перегорели пробки и нет электрика?

— Нет, пробки в порядке, но освещение стоит дорого, люди экономят на электричестве, пользуясь коптилками и плошками.

По случаю прихода советского гостя в доме Колаволе Аделайя зажгли свет. Лампочка осветила чистую побеленную комнату с одной кроватью, на которой спало трое детей, кривым столиком и табуреткой. Из-за отсутствия мебели этот дорогой моему сердцу прием проходил так же, как официальные рауты: хозяин и гости стоя пили пальмовое вино, ели жареные бананы и пресное домашнее печенье.

Моими собеседниками оказались рабочие цементного завода и портовые грузчики. Конечно, наш затрудненный слабым знанием языка разговор касался единственной темы — независимости.

— Теперь мы будем учиться. Ведь каждому из нас пришлось бросить школу и пойти работать. Лишь одна двадцатая часть нигерийцев грамотна. Лишь один из шестидесяти окончивших начальную школу попадает в школу второй ступени. Тысячи учителей преподают в школах, не имея никакой специальной подготовки.

Я вспомнил свою встречу с известным романистом Киприаном Экуенси. Он принадлежит к народности ибо, но пишет по-английски. Его книги издаются в Англии, и первый роман, изданный в 1951 году, книготорговцы Лагоса, Ибадана, Бенина, Энугу и других городов не хотели брать для продажи — что еще за новости, африканский писатель! Но Экуенси, Амос Туотола, Чинуа Ачебе добились того, что их книги стали продавать в Нигерии.

Экуенси сказал мне:

— Я понимаю, что при неграмотном народе трудно быть писателем. Но надо писать, надо запечатлеть тот период, который мы видели: как колония Нигерия боролась против колониализма и добилась свободы. Сейчас начнется новая глава в нашей истории. Люди сперва купят учебники, но, научившись читать, они возьмут в руки и наши книги.

Я спросил друзей Аделайи, кем они хотят стать. Один сказал, что хочет быть инженером. Надо изучить медицину, ответил другой. В этой огромной стране больных лечат главным образом колдуны и знахари.

Я пытался выяснить у моих собеседников, какова численность населения Нигерии. В разных книгах, газетах и публикациях мне приходилось видеть противоречивые цифры — тридцать миллионов, тридцать пять, сорок. Мои новые друзья объяснили, что во многих колониях существует подушный налог, и, опасаясь его, люди скрывают, сколько у них детей. Кроме того, многие деревни и поселки расположены в глубинах джунглей или в пустыне и рука управления никогда не доходила до них.

— Независимая Африка сосчитает своих детей, и тогда все увидят, как нас много.

Наверное, эта вечерняя беседа в доме Аделайя была одним из самых сердечных приемов, происходивших в эти дни в Лагосе.

Положив друг другу руки на плечи, мы вышли на улицы Лагоса. Встречая своих знакомых и соседей, нигерийские парни показывали им на меня и говорили:

— Это Москва. Хрущев требует независимости всей Африки.

19-ЛЕТНИЙ ЧЕМПИОН МИРА

В НИДЕРЛАНДАХ закончился IV олимпийский турнир по стоклеточным шашкам. Он принес еще одну победу советскому спорту. Чемпионом мира стал 19-летний москвич Вячеслав Щеголев. Ему присвоено звание международного гроссмейстера. Имя Вячеслава Ивановича Щеголева внесено в «Золотую книгу» Всемирной шашечной федерации.

***

Первенство мира по стоклеточным (международным) шашкам разыгрывается с 1894 года.

В 1956 году Федерация шашек СССР вступает в ФМЖД, и уже два года спустя советский инженер Исер Куперман выходит победителем в турнире претендентов и в трудной борьбе завоевывает шашечную корону. В прошлом году гроссмейстер И. Куперман блестяще защитил свой титул.

Корреспондент «Литературной газеты» связался в минувшее воскресенье с городом Гарлемом, где проходил последний тур, и пригласил к телефону *чемпиона мира* гроссмейстера Вячеслава Щеголева.

Москва: Поздравляем вас с завоеванием титула чемпиона мира.

Гарлем: Большое спасибо. Тронут вашим вниманием.

Вопрос: Расскажите, пожалуйста, как проходила борьба на первенство мира?

Ответ: Этот турнир нам пришлось провести «на колесах», так как 26 туров состоялись в 22 городах! В Голландии шашки очень популярны. Здесь трудно найти семью, в которой не было бы шашечной доски. В школах факультативно преподается теория игры. Вот почему мы были буквально «нарасхват» и нам пришлось удовлетворить исключительный интерес голландцев к турниру, хотя для участников это было очень нелегко. Тем более что регламент соревнований — 6 партий в неделю — был для нас совершенно непривычным.

Борьба была очень упорной и протекала, я бы сказал, с переменным успехом. Сначала лидировал Куперман, но в 7-м туре мне удалось выиграть у него, и мы поменялись местами. Следующие 13 туров я был впереди, но затем меня догнали Куперман и чемпион Сенегала Баба Си. 24-летний негр Баба Си — человек незаурядных способностей, и до последнего тура он претендовал на первое место. В 20-м туре Баба Си обогнал меня, и все уже зависело от исхода нашей встречи, которая состоялась в 23-м туре. Ее результат известен: мне удалось одержать верх и прийти к финишу первым. Баба Си занял второе место, а Куперман — третье.

Вопрос: Какое впечатление сложилось у вас об игре посланцев Африки и Центральной Америки?

Ответ: Проникновение стоклеточных шашек в страны Африки — факт весьма отрадный и показательный. О классе игры Баба Си я уже сказал. Превосходно играет и суринамский шашист Сен А Кав. Представитель Гаити Сант-Фор приехал лишь к третьему туру и в начале играл несколько робко, но затем он дал ряд превосходных партий.

Вопрос: В какой обстановке проходил турнир?

Ответ: Соревнования были организованы очень хорошо. Помещения, где проходили очередные туры, были заполнены до отказа. Как правило, на каждом туре присутствовал бургомистр города. Но главное, что мне хотелось подчеркнуть, это исключительно дружескую обстановку, царившую на протяжении всего турнира.

***

На состоявшемся конгрессе Всемирной шашечной федерации принято решение провести в 1961 году матч-реванш Щеголев — Куперман. Русский язык, наряду с французским и голландским, принят в качестве рабочего языка ФМЖД. Ближайший олимпийский турнир состоится в Чехословакии.

Советские писатели выехали в США

В соответствии с соглашением о культурном сотрудничестве между Советским Союзом и США 14 ноября в Америку вылетела делегация советских писателей в составе К. Симонова, Э. Межелайтиса, В. Пановой и Е. Романовой.

Советские писатели намерены пробыть в США тридцать дней, посетить Нью-Йорк, Вашингтон, Чикаго, Сан-Франциско и другие города страны, побывать в памятных местах, связанных с жизнью и творчеством классиков американской литературы, — Марка Твена, Уолта Уитмена, Гарриет Бичер-Стоу, Эдгара По, Джека Лондона, встретиться с американскими писателями, а также ознакомиться с культурной жизнью американского народа.

ВЗЫСКАТЕЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

О смерти Ганса Леберехта мне сообщили из Таллина сразу же. Это понятно. Многие годы дружбы связывали журнал «Звезда» с этим замечательным эстонским писателем, которого мы, ленинградцы, считали также и своим земляком.

Отец его — старый питерский рабочий, металлист. Сын пошел по стопам отца. После окончания школы он поступил на завод «Электросила», где проработал восемь лет автогенщиком и электромонтером.

Впервые я увидел Ганса Леберехта на занятии литературной группы «Резец». Это было в 1932 году. Сюда, в «Резец», стекалась молодежь со всех фабрик и заводов Ленинграда.

Здесь однажды читал свой рассказ и Ганс Леберехт. Ругать его особенно не ругали, но замечаний тогда «накидали» много.

Мы с интересом ждали: как переработает свой рассказ этот высокий парень с «Электросилы»? И придет ли он снова на занятие «Резца»?

И вот через несколько месяцев он пришел и снова прочел нам тот же рассказ, но... в новом варианте. И мы почти не узнали рассказа. Он был словно заново написан.

И тогда каждый из нас подумал: человек, который может так «корежить» свои первые произведения, может быть так взыскателен к себе, должен стать хорошим писателем.

И это оказалось правдой!

Ганс Леберехт написал много хороших книг. Я имею в виду «Свет в Коорди», «В дороге», «Капитаны», «Солдаты идут домой» и другие. И каждая из них любима советским читателем. Высокая взыскательность к своему творчеству, выработанная в молодости, осталась у него на всю жизнь. Это сказалось и в работе над последним романом «Дворцы Вассаров». Большой, многоплановый роман в первом варианте, естественно, имел некоторые недостатки. Я помню обсуждение этой книги на редколлегии «Звезды». Ганс Леберехт внимательно слушал членов редколлегии и просил не щадить его.

Он уехал в Таллин, сел за работу, и через три месяца мы получили исправленный экземпляр рукописи. Автор глубоко и вдумчиво переработал роман, дополнил его новыми главами. Это была настоящая работа требовательного к себе художника. И по праву роман получил высокую оценку читателей и критики. Мне же, больше других знавшему Ганса Леберехта, особенно радостно это было еще и потому, что в своей творческой работе Леберехт остался таким же беспощадным к себе, каким я его знал много лет тому назад по литературной группе «Резец».

В последние месяцы Ганс Леберехт работал над новым романом «Четыре цвета радуги». Журнал «Звезда» должен был опубликовать этот роман на своих страницах в 1961 году.

Смерть застала писателя в расцвете сил, полного новых творческих замыслов.

ЛЕНИНГРАД **Георгий ХОЛОПОВ**

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — В 8-99-33, искусств — В 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — В 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б—024243